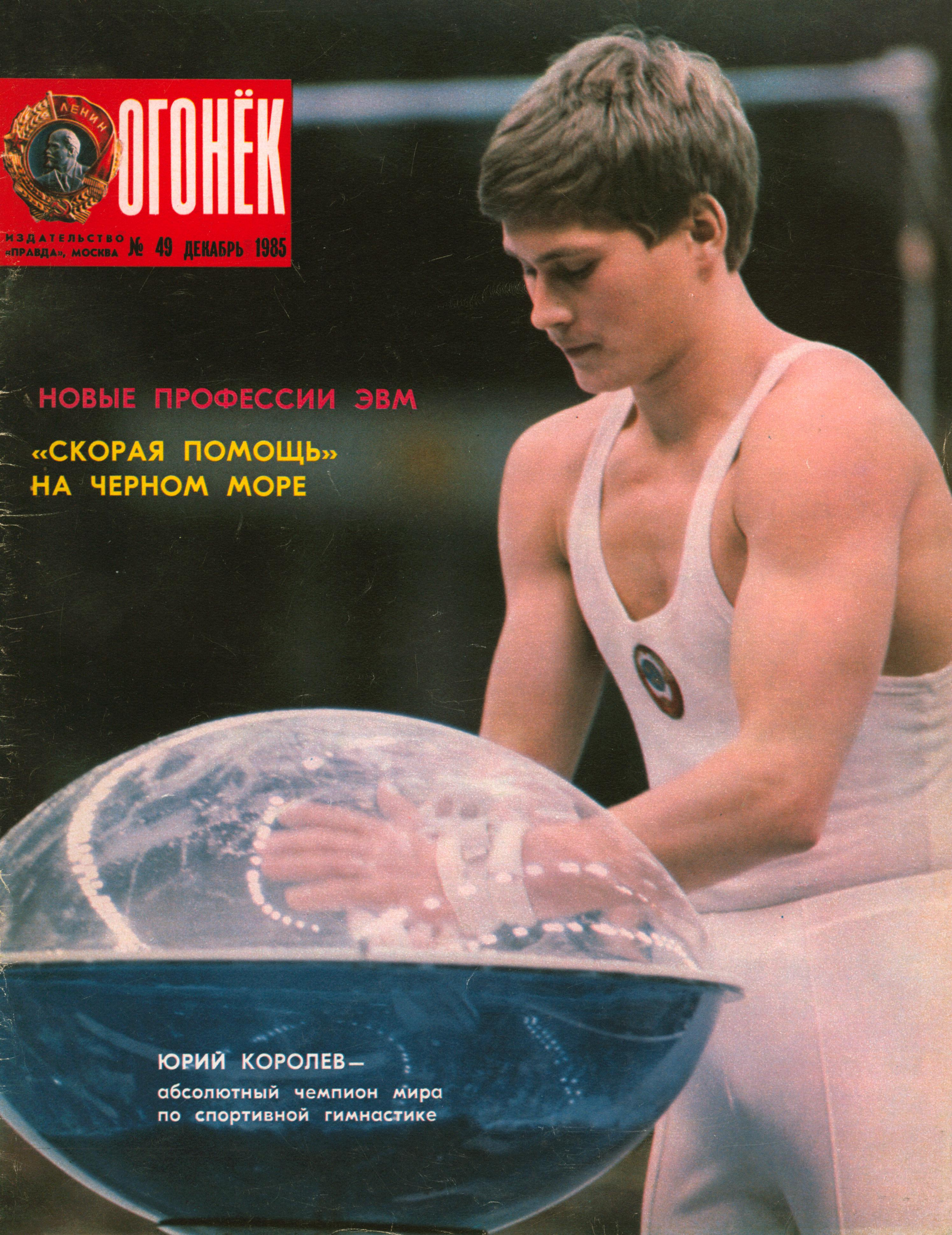

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 49 ДЕКАБРЬ 1985

НОВЫЕ ПРОФЕССИИ ЭВМ

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ» НА ЧЕРНОМ МОРЕ

ЮРИЙ КОРОЛЕВ — абсолютный чемпион мира по спортивной гимнастике

ВЫСОКИЕ РУБЕЖИ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ЧЕТВЕРТАЯ СЕССИЯ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОДИННАДЦАТОГО СОЗЫВА

Депутаты высшего органа государственной власти Советского Союза собрались 26 ноября на четвертую сессию Верховного Совета СССР одиннадцатого созыва. Она начала работу в Москве, в Большом Кремлевском дворце, совместным заседанием палат.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили депутаты и гости товарищей Горбачева М. С., Алиева Г. А., Воротникова В. И., Гришина В. В., Громыко А. А., Кунаева Д. А., Лигачева Е. К., Рыжкова Н. И., Соломенцева М. С., Чебрикова В. М., Шеварднадзе Э. А., Щербицкого В. В., Демичева П. Н., Долгих В. И., Кузнецова В. В., Пономарева Б. Н., Соколова С. Л., Талызина Н. В., Ельцина Б. Н., Зайкова Л. Н., Зимянина М. В., Капитонова И. В., Никонова В. П.

Заседание открыл Председатель Совета Национальностей Верховного Совета СССР А. Э. Восс.

Депутаты единодушно утвердили повестку дня сессии и порядок ее работы. На обсуждение вынесены вопросы:

1. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1985 года о назначении товарища Рыжкова Н. И. Председателем Совета Министров СССР и об освобождении товарища Тихонова Н. А. от обязанностей Председателя Совета Министров СССР.
2. Об изменениях в составе Президиума Верховного Совета СССР.
3. О Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986 год и о ходе выполнения Государственного плана экономического и социального развития СССР в 1985 году.
4. О Государственном бюджете СССР на 1986 год и об исполнении Государственного бюджета СССР за 1984 год.
5. О внесении изменений в Основы законодательства Союза ССР и союзных республик о народном образовании и другие законодательные акты СССР в связи с Основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы.
6. Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР.
7. Об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и международной обстановке.

По первому пункту повестки дня слово было предоставлено Генеральному секретарю ЦК КПСС депутату М. С. Горбачеву.

М. С. Горбачев, в частности, сказал:

По поручению ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР вношу на ваше рассмотрение предложение назначить Председателем Совета Министров СССР товарища Рыжкова Н. И., утвердив принятый по этому вопросу Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1985 года.

С докладом о Государственном плане экономического и социального развития СССР на 1986 год и о ходе выполнения плана в 1985 году выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госплана СССР депутат Н. В. Талызин.

С докладом о Государственном бюджете СССР на 1986 год и об исполнении бюджета за 1984 год выступил первый заместитель министра финансов СССР В. В. Деменцев.

27 ноября на сессии выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев с докладом «Об итогах советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве и международной обстановке».

Верховный Совет СССР в своем Постановлении полностью одобрил деятельность Генерального секретаря ЦК КПСС, члена Президиума Верховного Совета СССР тов. Горбачева М. С. по проведению в жизнь ленинской миролюбивой внешней политики Советского Союза на встрече с Президентом США Р. Рейганом, состоявшейся в Женеве 19—21 ноября 1985 года.

Сессия Верховного Совета СССР завершила свою работу.

Москва, Большой Кремлевский дворец, 27 ноября 1985 года.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 49 (3046)

30 НОЯБРЯ — 7 ДЕКАБРЯ

Переговоры М. С. Горбачева с Р. Рейганом

20 ноября в Женеве в советском представительстве продолжались переговоры Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Президентом США Р. Рейганом.

Переговоры начались с беседы наедине М. С. Горбачева и Р. Рейгана. Затем они были продолжены с участием:

с советской стороны — Э. А. Шеварднадзе, Г. М. Корниенко, А. Ф. Добрынина, А. Н. Яковлева, Л. М. Замятина, А. М. Александрова;

с американской стороны — Дж. Шульца, Д. Ригана, Р. Макфарлейна, А. Хартмана, Р. Риджуэй.

На заключительном заседании во второй половине дня Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев и Президент США Р. Рейган подвели итог состоявшихся встреч и бесед в Женеве в течение двух дней.

Вечером Президент США дал обед в честь Генерального секретаря ЦК КПСС. Р. Рейган и М. С. Горбачев обменялись краткими тостами.

Во время переговоров.

Телефото ТАСС

Завер на вы

21 ноября состоялась церемония завершения встречи Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента США. В международный пресс-центр в Женеве прибыли М. С. Горбачев и Р. Рейган. В зале присутствовали официальные советские и американские лица, принимавшие участие во встрече на высшем уровне, представители швейцарских и женевских властей, многочисленные корреспонденты радио, телевидения и печати.

Во время церемонии завершения встречи.

Телефото ТАСС

шение встречи сшем уровне в Женеве

Церемонию открыл Президент Швейцарской Конфедерации К. Фурглер.

Затем выступили М. С. Горбачев и Р. Рейган.

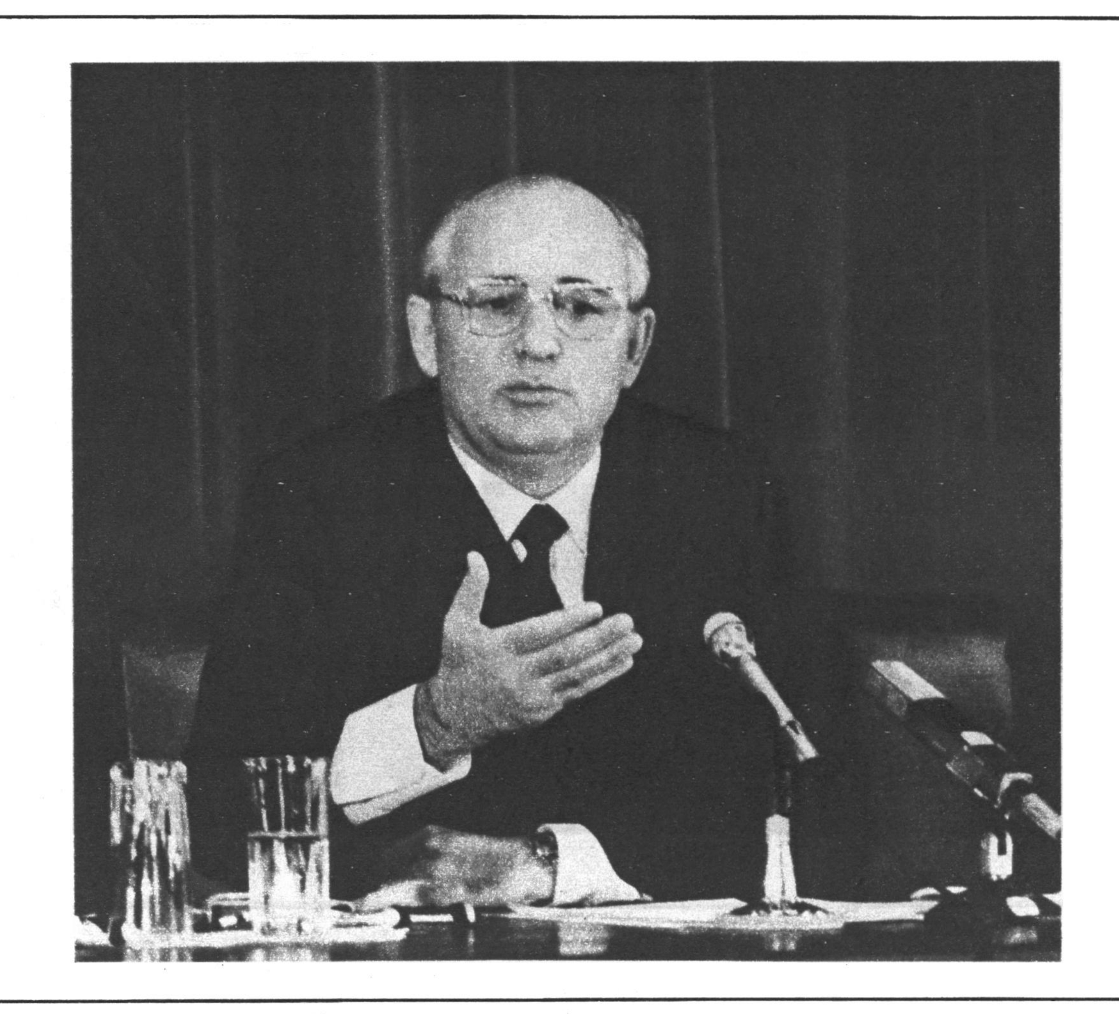
Член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе и государственный секретарь США Дж. Шульц подписали общее соглашение об обменах и контактах в области науки, образования и культуры между СССР и США.

Во время подписания.

Фото А. Гостева, специального корреспондента «Огонька»

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ М. С. ГОРБАЧЕВА

21 ноября в советском пресс-центре в Женеве Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев провел пресс-конференцию для журналистов, освещавших советско-американскую встречу.

Фото А. Гостева, специального корреспондента «Огонька»

ВСТРЕЧА ВЫСШИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ГОСУДАРСТВ—УЧ

Советская делегация во время встречи.

21 ноября 1985 года в Праге по взаимной договоренности состоялась встреча высших руководителей государств—участников Варшавского Договора.

Во встрече участвовали: Генеральный секретарь ЦК Болгарской коммунистической партии, Председатель Государственного совета Народной Республики Болгарии Т. Живков, Генеральный секретарь Венгерской социалистической рабочей партии Я. Кадар, Генеральный секретарь ЦК Социалистической единой партии Германии, Председатель Государственного совета Германской Демократической Республики Э. Хонеккер, Первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии, Председатель Государственного совета Польской Народной Республики В. Ярузельский, Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии, Президент Социалистической Республики Румынии Н. Чаушеску, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачев, Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Чехословакии, Президент Чехословацкой Социалистической Республики Г. Гусак, а также с чехословацкой стороны член Президиума ЦК КПЧ, Председатель правительства ЧССР Л. Штроугал, член Президиума, секретарь ЦК КПЧ В. Биляк.

Во встрече приняли участие также министры иностранных дел: Народной Республики Болгарии — П. Младенов, Венгерской Народной Республики — П. Варкони, Германской Демократической Республики — О. Фишер, Польской Народной Республики — М. Ожеховский, Социалистической Республики Румынии — И. Вэдува, Союза Советских Социалистических Республик — Э. А. Шеварднадзе, Чехословацкой Социалистической Республики — Б. Хнеупек.

М. С. Горбачев обстоятельно информировал о ходе и итогах закончившейся в этот день советско-американской встречи на высшем уровне в Женеве.

Руководители братских партий и стран выразили полную поддержку конструктивной позиции, изложенной М. С. Горбачевым на переговорах с Президентом США Р. Рейганом в духе совместной ли-

В зале встречи.

АСТНИКОВ ВАРШАВСКОГО ДОГОВОРА

нии, выраженной в заявлении государств—участников Варшавского Договора от 23 октября 1985 года.

Высшие руководители государств—участников Варшавского Договора высоко оценили исключительно важный вклад в продвижение совместно разработанных миролюбивых позиций стран социалистического содружества, сделанный Генеральным секретарем ЦК КПСС в ходе женевской встречи. Было единодушно отмечено, что состоявшийся в ходе встречи прямой, откровенный разговор был необходим и его итоги являются полезными.

На встрече был подтвержден принципиальный курс союзных социалистических государств на устранение угрозы ядерной войны, прекращение гонки вооружений на Земле и предотвращение распространения ее на космос, обеспечение перехода к реальным мерам разоружения, укрепление всеобщего мира. Государства—участники Варшавского Договора еще раз заявляют, что они не стремятся к военному превосходству, но и не допустят его над собой.

Встреча прошла в обстановке дружбы и полного единства взглядов по обсуждавшимся вопросам.

* * *

21 ноября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев имел беседу в Пражском Граде с Генеральным секретарем ЦК КПЧ, Президентом ЧССР Г. Гусаком.

Во время дружественной беседы состоялся обмен информацией о ходе подготовки к XXVII съезду КПСС и XVII съезду КПЧ, рассмотрены вопросы советско-чехословацкого сотрудничества и международного положения.

Встреча прошла в атмосфере сердечности, полного единства и взаимопонимания, характерного для отношений КПСС и КПЧ, Советского Союза и Чехословакии.

22 ноября М. С. Горбачев возвратился в Москву.

Телефото ТАСС.

ЖЕНЕВА: ПРОБЛЕМЫ И НАДЕЖДЫ

Владимир НИКОЛАЕВ,
специальный корреспондент «Огонька»

НАКАНУНЕ

Участников советско-американского диалога на высшем уровне Женева встретила придавившими город сплошными свинцовыми тучами, холодом, пронзительным ветром, снегом пополам с дождем. Солнца как будто бы и вообще не существовало.

Можно сказать, что примерно такой же политический климат сопутствовал и долгому времени, предшествовавшему этой встрече. Именно такой климат и привел к убежденности в ее безотлагательной необходимости. Люди устали жить в атмосфере холодной войны, устали жить под дамокловым мечом ядерной угрозы.

Выступая на пресс-конференции в Женеве, М. С. Горбачев сказал: «В нынешних условиях речь уже идет не только о противостоянии двух общественных систем, но и выборе между выживанием и взаимным уничтожением».

«Иначе говоря,— продолжал М. С. Горбачев,— самим объективным ходом мирового процесса вопросы войны и мира, вопросы выживания поставлены в центр мировой политики. Я хочу подчеркнуть, что специально употребляю слово «выживание» не для того, чтобы драматизировать обстановку, нагонять страх, а для того, чтобы мы все глубоко почувствовали и осознали реальности сегодняшнего мира.

Проблема войны и мира является первоочередной, жгучей, затрагивающей интересы всех нас, живущих на Земле. Я бы подчеркнул, что она выдвинулась в центр мировой политики. Уходить от поиска решений этой животрепещущей проблемы мы не можем. Мы в этом убеждены. Такова воля советского народа, такова воля американского народа, всех народов».

Отношения между СССР и США настолько испортились, напряженность в мире настолько возросла, что высказывались и сомнения о возможности конструктивных советско-американских переговоров на высшем уровне. Но такие порой злонамеренные, а порой пессимистические взгляды были несостоятельны. Встреча была нужна. Именно потому, что международная ситуация стала столь опасной, нельзя было упускать этот шанс исправить положение.

Готовясь к встрече в Женеве, за несколько месяцев до нее Советский Союз в одностороннем порядке прекратил все ядерные взрывы, предложил возобновить переговоры о полном прекращении ядерных испытаний, подтвердил односторонний мораторий на испытания антиспутникового оружия, внес радикальные предложения о сокращении ядерных арсеналов.

Да, мы ехали в Женеву не с пустыми руками. Но мы и не питали ни малейших иллюзий насчет американской политики. Мы отдавали себе отчет в том, насколько далеко зашла милитаризация в Соединенных Штатах, ведущаяся к тому же под фальшивым лозунгом спасения от «советской угрозы». В самый канун встречи журналист Лоу Кэннон писал в газете «Интернэшнл геральд трибюн», что президент Рональд Рейган проделал до Женевы длинный и зачастую ухабистый путь. В большой статье Кэннон перечисляет кое-какие из этих ухабов. Он, в частности, вспоминает о самой первой пресс-конференции, которую Рейган дал уже в качестве президента, и приводит его резкие антисоветские высказывания, не имеющие под собой никакой реальной основы. Кэннон пишет, что «Рейган пришел к власти в качестве самого ярко выраженного антисоветского президента нашего времени». Судя по тому, что пишет Кэннон, политические струны тем самым оказались натянутыми слишком туго. Следуя традициям американской прессы, он ссылается на следующие слова анонимного близкого советника Рейгана: «Президент понял, что с русскими нельзя иметь дело, пуская в ход одни обвинения и угрозы». (Будучи в Женеве, я убедился, что американский журналист прав в этой своей оценке.) В конце статьи он снова приводит слова «одного из советников президента»: «Поездка Рейгана в Женеву станет, вероятно, самой важной за все годы его президентства».

Телевидение и газеты рассказали о встрече в Женеве, кажется, уже все. Но, наверное, каждый из почти четырех тысяч журналистов, освещавших ее, имеет свои наблюдения. Некоторыми из них и хотелось бы поделиться в этих заметках.

Корреспонденты работают. **Фото А. Гостева**

ЩИТ ИЛИ МЕЧ!

В совместном советско-американском заявлении, отражающем в полной мере положительное значение встречи в Женеве, говорится:

«Признавая различия в общественно-политических системах СССР и США и в их подходах к международным проблемам, оба руководителя вместе с тем достигли лучшего понимания позиций друг друга. Они согласились о необходимости улучшения советско-американских отношений и оздоровления международной обстановки в целом. В этой связи обе стороны подтвердили важность постоянного диалога, отражающего их серьезное стремление искать точки соприкосновения по существующим проблемам».

В то же время в заявлении констатируется, что по ряду ключевых вопросов сохраняются серьезные разногласия. Одной из таких проблем является так называемая стратегическая оборонная инициатива США, а попросту говоря — намечаемая ими милитаризация космоса. Сторонники этой идеи, в том числе и сам Рейган, утверждают, что они хотят создать противоядерный космический щит, который якобы будет гарантией от любого ракетного удара. Большинство же знающих людей считают, что это будет не щит, а меч, занесенный над всем человечеством. Естественно, что в Женеве на эту тему много говорили и спорили. И участники переговоров, и эксперты, и журналисты. К чему в основном сводились эти дебаты? К тому, во-первых, что при осуществлении этой затеи в космос будут выведены тысячи спутников, оснащенных оружием. То есть так называемая оборонная инициатива обернется милитаризацией космоса, причем система эта не обеспечит безопасности в случае ракетной атаки. Так настоятельно утверждали в Женеве многие ученые и специалисты. К тому же эта акция приведет к еще большей международной напряженности, к дестабилизации и без того достаточно хрупкой ситуации в мире. И еще немаловажное соображение по этому поводу. Страна, имеющая такой «ядерный зонтик» (если он на самом деле окажется эффективным), сможет безнаказанно обрушить ядерный удар на кого угодно, поскольку ответная ракетная атака должна будет натолкнуться на этот зонтик. Наконец, указывают и на то, что создание такой системы потребует немало лет и обойдется в 300—500 миллиардов долларов. Сумма фантастическая! Если же отбросить все эти доводы и посчитать, что такая затея вполне возможна и целесообразна, то нельзя забывать о том, в какой век мы живем. Науки (физика, химия и другие), влияющие на развитие военной техники, известны в равной степени обеим противостоящим сторонам. На любой вызов последует соответствующий ответ,

Окончание на стр. 25.

РАЗУМ ДОЛЖЕН ПОБЕДИТЬ

Человеку свойственно надеяться на лучшее. В планах советских людей все лучшее, что может быть намечено и выполнено, неизменно связано с миром. Поэтому мы так ждали женевской встречи Михаила Сергеевича Горбачева с Рональдом Рейганом, верили, что разум должен победить. Слушая и затем перечитывая итоговые документы встречи, следя за пресс-конференцией, которую проводил Генеральный секретарь нашей партии, советские люди испытывали чувства высокой гордости за миролюбивую внешнюю политику Советского государства.

Наше терпение — от разумного стремления уберечь цивилизованный мир от катастрофы, наша готовность снова и снова искать пути к лучшему на любых направлениях сотрудничества — от высокой ответственности за судьбы всех государств и народов.

Мы отлично понимаем, что авторитет советской внешней политики опирается на всенародную поддержку, на готовность наших людей отдать все силы укреплению экономической и оборонной мощи своего государства.

Колхоз «Заря коммунизма», которым я руковожу, выполнил нынешнюю пятилетку по одним показателям в мае, по другим — в сентябре. Мы сейчас производим на каждые сто гектаров пашни по 250 центнеров мяса и 1200 центнеров молока, только сверхплановые надои составили более 7 тысяч тонн.

В колхозе созданы все условия для продуктивной работы, культурного отдыха, лечения, воспитания детей. Однако есть у нас и еще более смелые планы, которые составной частью входят в государственные планы страны. И на выполнение этих планов должны быть направлены все наши усилия, а не на соперничество в производстве оружия. Мы всецело поддерживаем внешнеполитический курс советского руководства и не пожалеем сил, чтобы рос, крепчал экономический потенциал страны, который придает твердость и уверенность этому курсу.

В. ПЛЮТИНСКИЙ,
Герой Социалистического Труда,
председатель колхоза «Заря коммунизма»

Ровенская область.

ЦЕЛЬ, ДОСТОЙНАЯ НАШИХ НАРОДОВ

С приподнятым настроением трудится в эти дни коллектив нашего объединения. В немалой степени определяется оно и тем общим чувством надежды, которое испытывали советские люди накануне и во время встречи в Женеве Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и Президента США Р. Рейгана. Еще не зная итогов, понимая все сложности, неизбежные на переговорах, мы тем не менее в должной мере оценивали сам факт встречи глав крупнейших государств планеты после долгих лет отчуждения.

Не понаслышке знаем мы об ужасах войны. Блокада подорвала здоровье моих родителей, тяжелое ранение получил в бою мой наставник В. И. Васильев, награжденный уже за мирный труд орденом Ленина, фронтовыми дорогами прошла юность другого члена нашей бригады, Ф. В. Краснова, секретаря цеховой партийной организации Г. Е. Кузнецова... Одним словом, нам, ленинградцам, жителям города, пережившего небывалую по жестокости муку блокады, хорошо известна цена мирного неба над головой. И потому с таким возмущением воспринимаем мы намерения заокеанских вояк перенести гонку вооружений в космос, чтобы оттуда грозить всем жителям Земли небывалой бедой.

Пока не поздно, человечество должно предотвратить ее! Этот понятный всем честным людям призыв нашей страны был четко сформулирован на женевских переговорах. Наш труд, укрепляющий экономическое и оборонное могущество СССР, миролюбивая ленинская политика Советской страны во многом определяют ход современной истории.

А. БУЗДАЛЕВ,
бригадир слесарей механосборочных работ экспериментального цеха объединения «Электроаппарат»

Ленинград.

У НАС ОДНА ПЛАНЕТА

ШАНС, КОТОРЫЙ НЕЛЬЗЯ УПУСТИТЬ!

Юлиус ЛОРИНЦ,
чехословацкий публицист

Оружия не убавилось, но мир стал более безопасным. Таков был смысл слов Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Горбачева, когда на пресс-конференции в Женеве он отвечал на вопрос американского журналиста о том, что, собственно, изменилось после его встречи с Президентом США Рональдом Рейганом. Эта встреча состоялась, когда мир подошел к черте, за которой можно утратить контроль над процессами, угрожающими самому существованию человечества, к черте, за которой уже трудно начать продуктивные переговоры о проблемах вооружений, прежде всего ядерных.

Сегодня речь идет не просто о конфронтации двух общественно-политических систем, а о выборе между жизнью и взаимным уничтожением. Сохранение мира и упрочение безопасности народов стало в этой ситуации вопросом, для решения которого необходимо использовать каждый шанс. Советско-американская встреча в Женеве такой шанс предоставила, и он — это самое главное — был использован.

В совместном советско-американском заявлении по итогам встречи говорится, что «по многим вопросам остаются серьезные разногласия». Да, в Женеве не был достигнут позитивный перелом в решении конкретных проблем прекращения гонки вооружений на Земле и недопущения ее в космосе. Но можно ли было вообще за два дня решить все, что накапливалось долгие годы? Важно, что этой встречей начался диалог, открывающий новые возможности для избавления человечества от смертельного бремени, на которое его обрекли силы, жаждущие мирового господства.

Разумеется, сам по себе диалог еще не означает решения. Вспомните, за день до начала встречи в Англию прибывали новые американские ракеты первого удара. Очередную партию доставили на базу США в английском Гринэм-Коммон буквально за несколько часов до открытия женевской встречи. Действительно, плодотворным диалог становится тогда, когда выливается в конкретные шаги. Подлинное значение нынешней встречи покажут будущие месяцы и даже годы. Но я думаю, что и эти два дня в Женеве дают основание вздохнуть с облегчением. После шести с половиной лет с момента предыдущей встречи высших представителей СССР и США, после шести с половиной лет конфронтации, нагнетавшейся Вашингтоном, и отсутствия почти всяких контактов, прекращенных по его же инициативе, Соединенные Штаты подписывают вместе с Советским Союзом заявление о том, что ни одна из сторон не будет стремиться к военному превосходству, что ядерную войну нельзя допустить и в ней не может быть победителей. Это не мелочь!

Не будем питать иллюзий: США не отказались от своей концепции «звездных войн», военные концерны, зарабатывающие миллиарды на производстве новых видов оружия, по-прежнему диктуют политику Вашингтона. Однако встреча в Женеве свидетельствует и о другом: не одна только Америка определяет сегодня судьбы мира. Тем, что после Женевы в нем прибавилось оптимизма, мы обязаны последовательной, подкрепленной практическими действиями мирной политике Советского Союза и других государств социалистического содружества, активным выступлениям неприсоединившихся стран, широкому движению за мир в капиталистических странах. Для всех миролюбивых сил планеты женевская встреча служит новым вдохновляющим импульсом. И от их настойчивости и целеустремленности во многом будет зависеть, станет ли нынешняя советско-американская встреча на высшем уровне началом нового этапа современной истории, когда человечество будет избавлено, наконец, от угрозы ядерной катастрофы.

АПН — специально для «Огонька»

Братислава.

МОСТ ДРУЖБЫ

Петр ОССОВСКИЙ,
народный художник РСФСР,
лауреат Государственной премии СССР

Если спросить художника в любой точке земного шара, полезны ли контакты между деятелями культуры, нужен ли мир, уверен — не найдется ни одного, который бы ответил отрицательно.

Русские мастера никогда не были безразличны к тому, что происходит на планете, в искусстве других стран, ибо творчество живо не только национальным своеобразием — его питают многие традиции. При их осмыслении рождаются истинные оригинальность, новаторство, которые становятся достоянием не только одного народа, но и мирового искусства. Можно вспомнить Сильвестра Щедрина — будучи в Италии он писал неаполитанские ландшафты, но именно в пейзажах этого русского живописца впервые появилось то, что теперь называют воздушной атмосферой. Александр Иванов, работая под Римом, задолго до французских импрессионистов передал в своих знаменитых этюдах эффекты пленэрного освещения, связанные с работой на открытом воздухе. Свою сферическую перспективу нашел, пережив извержение Везувия, Кузьма Петров-Водкин. И всегда в горящих, как бы мы сказали теперь, точках планеты оказывался с походным мольбертом российский баталист Василий Верещагин, показывавший в своих картинах безумную, бессмысленную жестокость войны.

В этом желании отечественных мастеров познать, чтобы создавать свое, новое,— сила нашего искусства.

Когда я бываю в других странах, не могу оставаться только туристом. Должен обязательно почувствовать страну, ее искусство и передать на полотне собственные ощущения. Изучаю все самое яркое, интересное, что создал народ,— архитектуру, произведения средневековых мастеров, творчество современных художников и их предшественников, пытаюсь представить себе их восприятие, понять, как они видят мир вокруг себя.

Мексика была одной из первых стран, в которой мне довелось побывать в 1961 году. Ее земля, люди, искусство настолько тогда казались нам необычными, самобытными, что хотелось обязательно перенести свои впечатления на холст. И фрески Ороско стали для меня ключом к пониманию окружающего.

Чтобы не нарушить правдивости воспоминаний, вернусь еще на несколько лет назад. 1957 год. Москва принимала VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов, и мы, художники, пришли в изостудию фестиваля в Центральном парке культуры и отдыха имени М. Горького, где работала молодежь, приехавшая к нам из разных стран и континентов. Хорошо помню атмосферу тех дней. Между нами возникали споры, и довольно темпераментные. Многие тут же, в студии, работали, осуществляя на практике свои теоретические соображения. На выставке были заметны работы мексиканцев Марио Ороско Риверы и Андреа Гомес, ставших потом моими друзьями.

Марио наградили тогда бронзовой медалью за живописные работы; Андреа состояла членом всемирно известной Мастерской народной графики Мексики, ее гравюра «Мать против войны» получила широкую известность во многих странах. С этой дружбы началось мое знакомство с искусством Мексики. От Марио я узнал многое о художниках его родной страны. Он часто рассказывал о «трех великих», как их называют,— Диего Ривере, Хосе Клементе Ороско и Давиде Альфаро Сикейросе. Андреа познакомила меня с творчеством их предшественника — знаменитого графика мексиканской революции Хосе Гвадалупе Посада, оказавшего на Ороско большое влияние.

До очного знакомства с Мексикой было еще три года. За это время знания углублялись; уже тогда мои симпатии были на стороне Ороско, его творчество производило впечатление своим методом и силой выражения страстей, обуревавших художника. Но только увидев в оригинале фрески, я окончательно понял, сколь грандиозен его творческий подвиг.

Путь наш лежал через Кубу. Мы с Виктором Ивановым оказались первыми советскими художниками на этой земле. Надо ли говорить о том, что испытывали мы, находясь в самой гуще событий тех дней, встречаясь с Фиделем и Раулем Кастро, Че Геварой, Освальдо Дортикосом, Карлосом Рафаэлем Родригесом, с рабочими, крестьянами и рыбаками, солдатами и молодыми повстанцами, женщинами и девушками, в едином порыве вставшими на защиту своей революции! Впечатления были ошеломляющими от новизны, необычности всего окружающего. Улыбки, смех, яркие одежды, дома, белым жемчужным ожерельем обрамляющие Малекон — набережную Гаваны; прибавьте к этому ослепительное солнце, ясное, безоблачное небо, темно-синее море с белоснежной, сверкающей на солнце пеной прибоя, плотный морской зимний ветерок, и картина Гаваны, какой мы увидели ее в январе 1961 года, была бы завершена... если бы глаз не натолкнулся вдруг на орудие, обложенное мешками с песком, поразившее полным несоответствием со всем окружающим. Неподалеку стоял военный «джип» с развевающимся национальным флагом, еще дальше — солдаты в защитного цвета форме у входа в ультрасовременный отель, на козырьке которого вздернул к небу счетверенные стволы зенитный пулемет. Совсем немного времени оставалось до Плая Хирон. Острову угрожало американское вторжение. Куба была начеку.

...Настал момент своими глазами увидеть то, о чем я уже знал, ибо в какой-то степени подготовился к восприятию теперь уже реально окружающей действительности и мог довольно сносно объясниться по-испански. Все, что предстало перед нами, глубоко вошло в мою душу и сердце. Мексика соединила в себе разные эпохи. Она знала расцвет высочайших древних индейских культур ацтеков и майя, которые были разрушены завоевателями. Города, построенные на их руинах европейцами в средние века, и сейчас поражают своим великолепием и красотой. Над этой землей в начале XIX века звучал набатный колокол Мигеля Идальго, звавший народ к борьбе за независимость, к восстанию. А в 1910—1917 годах по ней с боями пронеслась революция с ее легендарными героями Франсиско Вильей и Эмилиано Сапатой. Здесь родилось своеобразное искусство Риверы, Ороско и Сикейроса, писавших судьбу и революцию Мексики и ставших затем всемирно известными.

Сама история страны пробуждает постоянно возникающие мысли о вечной борьбе добра со злом и о трудной жизни, порожденной ею. В творчестве Ороско как бы соединилось все, что присуще его родине,— дух вечной борьбы живет в его искусстве.

Художник впитал в себя, кажется, все страдания своего народа. Пороки общества, крах романтических устремлений, несовершенство самого человека, слабость, невежество; собственные душевные и физические муки — в юности от химических опытов, которые он с увлечением производил, пострадали левая рука и глаз — все это вылилось в единый крик, стон раненого сердца, мы слышим его в росписях Ороско. Он обнажал язвы своего времени, вскрывал раны, чтобы исцелять. Не случайно фрески в Музее изящных искусств Мехико имеют название «Катарсис». Через страдание Ороско ведет зрителей к очищению, к совершенству. Его вера в человека сконцентрировалась в образах Прометея, несущего людям не просто огонь, но огонь знания.

«Моя единственная тема,— писал он,— человечество, мое единственное стремление — максимум эмоции, мои средства — реальное и цельное изображение людей в их взаимоотношениях».

Искусство Ороско символично, с помощью символов он обнажает суть явлений. «В каждой картине, как и в любом произведении искусства, заключена идея, а не рассказ. Идея является отправной точкой, первопричиной пластической конструкции, и она всегда присутствует как энергия, творящая материю. Рассказы и другие литературные ассоциации существуют лишь в уме зрителя, стимулируемые живописью». Эта энергия живописи, энергия идеи, как молния, пронзает наше воображение, долго держит в плену художественных образов, заставляя вновь и вновь переживать увиденное.

К первым своим фрескам художник приступил, когда ему исполнилось сорок. Он был сложившимся художником, известным карикатуристом, графиком. Николай Константинович Рерих, увидев в Соединенных Штатах его выставку, на которой была показана серия работ «Мексика в революции», говорил друзьям художника: «Мне бы хотелось... пожать ему руку. Пожалуйста, скажите ему, что я приветствую его как большого человека и большого художника. Его интеллект несет новые надежды людям, к которым обращено его сострадание».

В начале двадцатых годов монументальное искусство в Мексике только начинало делать первые шаги. Сперва Ороско и не думал о настенных росписях. Но в его произведениях всегда была крепкая обобщенная линия, в «Белом доме», например, чувствуются влечение к большой форме, конструктивность, необходимые для стенописи. В этой картине, созданной в 22-м году, его заинтересовал живописный эффект, связанный с освещением, и он написал напряженную грозовую атмосферу, разрывы черных туч с отблесками молний, испуганных, бегущих от грозы людей.

Работы Ороско заслужили признание, в среде творческой интеллигенции стали говорить о необходимости привлечь художника к созданию фресок. И в июле 1923 года он начинает роспись стен Препаратории — Национальной подготовительной школы, которая в то время была высшим учебным заведением. Там же в других помещениях работали Диего Ривера и Давид Альфаро Сикейрос, но лучшая настенная живопись принадлежит здесь Ороско. В здании, построенном в середине XVIII века в стиле барокко и бывшем поначалу королевским колледжем, он получил северные лоджии Большого двора, которые располагались в три этажа. Общая программа всех росписей Препаратории предполагала, что в учебном заведении фрески должны служить не только украшением, но прежде всего воспитывать. Мастер выбрал единую, сквозную тему извечной, яростной битвы добра и зла, представленной в разные эпохи, в разных областях человеческой жизни. «Окоп» — одно из самых выразительных и впечатляющих произведений в этом цикле. Художник, видимо, начал разрабатывать сюжет еще раньше. Раскаленные, жгущие краски передают накал и безысходность борьбы. Рядом с телами убитых повстанцев человек, в отчаянии опустивший голову, оплакивающий и смерть товарищей, и крушение надежд, связанных с революцией. Лаконична, строга живопись, все напряжено до предела. Кажется, всем своим существом художник восстает против гибели этих прекрасных, крепких и сильных людей.

После окончания росписей в Препаратории монументальные работы не предвиделись, и Ороско вновь обратился к графике, живописи. К этому времени относятся «Сапатисты». Мастер не раз обращался в своем творчестве к образу Эмилиано Сапаты, крестьянского вождя, который еще до начала революции организовал партизанский отряд, выступавший против помещиков и диктаторского режима. Сапатисты —

Хосе Клементе Ороско. 1883—1949. САПАТИСТЫ. 1931.

Хосе Клементе Ороско. ИДАЛЬГО. Фреска. 1937.

пеоны, бедняки, мужчины, женщины. Не так уж много фигур в картине, но есть ощущение монолитности, неколебимой твердости — в стремлении вперед, в сплоченности, в суровой серьезности всадников, обращенных лицом к зрителям. Люди выходят из темного зияющего провала горы, как из бездны, из мрака, в тревожную, озаренную светом борьбы жизнь.

В произведениях Ороско всегда чувствуется влияние классики — фресок итальянского Возрождения и суровой живописи Эль Греко. Следование великим традициям и современность — эти два условия он считал главными. «Хотя искусство всех времен и народов,— утверждал художник,— имеет общую ценность — человеческую, универсальную,— каждый новый цикл должен действовать сам, творить, собрать свою собственную жатву, внести в общее достояние свою долю».

После первых росписей он почувствовал себя монументалистом. «Я общественный живописец. А для общественной живописи нужны стены — большие стены»,— заявлял мастер и объяснял свое пристрастие тем, что фреска «наиболее незаинтересованная форма, ведь она не может быть делом частной выгоды, ее нельзя упрятать ради привилегированной горстки людей. Она для народа. Она для в с е х».

Одна из росписей Правительственного дворца в Гвадалахаре посвящена Мигелю Идальго, герою освободительного движения против испанцев, приходскому священнику. На вкладке изображена нижняя часть фрески. Здесь те, к кому призывал Идальго,— поверженный, растоптанный колонизаторами народ. Постепенно, откликаясь на призыв к свободе, люди поднимаются, как тот человек в центре. Он уже распрямился, восстал и готов к схватке с поработителями. Пока еще вся Мексика будто в страшном подземелье, но над нею уже алое зарево — рассвет, и пламя борьбы, и огонь пожаров. Есть и испуганные — они убегают, что-то осуждающе крича и предостерегая, есть и безмолвные. Но не за ними сила. Поднявшихся ничто не остановит.

«В этом мире нужно о многом говорить, я предпочитаю говорить об этом своей живописью и говорить откровенно»,— и возникают фрески, потрясающие своей выразительностью: «Бесчеловечный труд», «Правосудие», «Страдающее человечество», «Пикирующий бомбардировщик», «Расстрел».

Он создал также росписи в Дартмутском колледже в Соединенных Штатах, в университете Гвадалахары. Но его самым грандиозным творением явились росписи Приюта Кабаньаса. Объем гвадалахарских работ, выполненных мастером, поражает: 1200 квадратных метров росписей Приюта Кабаньаса, 400 квадратных метров фресок Правительственного дворца и 430 квадратных метров университета! Даже по площади росписи капеллы Приюта выделяются среди других. Огромное здание было построено в XIX веке известным архитектором из Валенсии Мануэлем Тольса. Строительство велось около пятидесяти лет. Здание имеет крестовокупольную форму и сплошь заполнено фресками.

Получив от города возможность расписать это здание, художник показал историю двух Америк — старой и новой, нравственные идеалы прошлого и настоящего. Архитектура интерьера пробуждала фантазию, позволяя вставлять фресковые композиции в своды, нефы, паруса, в разнообразные части здания, давала возможность связать огромной творческой волей в единый ансамбль целые эпохи.

Росписи пронизывает тема жестокости, уходящая в глубь веков, тема зла и насилия, против которых восстает сам мастер,— от ритуальных танцев древних индейцев, совершаемых после человеческих жертвоприношений в честь идола Уицилопочтли, до испанских конкистадоров, закованных в железо; их изображения встречаются в разных частях здания. Тут же предводитель конкистадоров Кортес с мечом в руках, стоящий, словно современный робот, над поверженными телами индейцев.

А на других фресках всесильный монарх Испании Филипп II, словно прикованный к огромному кресту; принесенные завоевателями символы религии; колесо, символизирующее прогресс цивилизации, прокатившееся по обломкам индейских идолов; лошади, проносящиеся над городом,— образы, сеющие смерть. Ни колеса, ни лошади индейцы не знали до прихода испанцев.

Наконец, изображения Эль Греко и Сервантеса, которых Ороско очень любил, и завершение всему — фреска центрального купола «Человек огня», ставшая смысловым центром, определяющим колорит этого цикла. Таков круг тем, охваченных огромным творческим диапазоном художника. Ороско суров и скуп в цвете. Аскетичность его красок лишь усиливает воздействие искусства.

Доминантой здесь служат два цвета — красный и серо-зеленый. Их дополняют черный и охра вплоть до сильного желтого. В колорите заметно влияние суровой толедской школы Эль Греко.

Замысел и его воплощение в Приюте Кабаньаса — вершина творчества мастера. Этот титанический труд поставил его в ряды лучших художников нашего века. Вот почему подвиг Ороско в искусстве является благородным примером для каждого живописца. Что касается прямого влияния этого мастера лично на меня, то и сейчас я ощущаю плодотворное влияние «мексиканского периода»: он расширил мой горизонт, дал толчок вдохновению, а без этого жизнь художника подобна птице, закрытой в клетке. Тот творческий подъем помог мне справиться со сложными задачами, возникшими в работе над серией работ о Мексике; она складывалась под сильным впечатлением от встречи с искусством Ороско. Я пережил счастье открытия нового в самом психологическом подходе к изображению жизни людей современной Мексики, пытаясь остаться преданным традициям родного русского искусства.

Десять дней для такой страны, как Мексика, ничтожно мало. Но зато воля была напряжена до предела, и если что-то врезалось в память, вызывая новое, сильное чувство, то оставалось в ней до тех пор, пока не получало своего логического завершения на полотне. Вот почему впечатления недолгого пребывания превратились в тугo сжатую пружину, силы которой хватило для активной работы на три года, в течение которых создавался цикл мексиканских полотен.

АГИТЭСКАДРИЛЬЯ ИМЕНИ ГОРЬКОГО

Эта фотография 1934 года из семейного альбома моего отца, летчика-истребителя Василия Алексеевича Зайцева, погибшего во время войны. Бронестекло от его ЯК-9 с донесением о воздушном бое ныне хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР.

Мой отец — пятый слева, а рядом с ним в очках и кожанке — известный журналист, первый редактор журнала «Огонек» Михаил Ефимович Кольцов. История этого снимка любопытна. Дело в том, что еще в 1933 году по инициативе газеты «Правда» была создана особая сводная агитэскадрилья имени Максима Горького. В ее составе было более тридцати летательных аппаратов разных типов.

В том же семейном альбоме есть снимок знаменитого «Крокодила» — это АНТ-9, сделанный специально с удлиненным носом, горбатой спиной, экзотическими разводами, имитирующими крокодилью кожу. Лодыри, прогульщики, нарушители трудовой дисциплины как огня боялись этого летающего собрата популярного сатирического журнала.

Думается, что читателям «Огонька» будет небезынтересно узнать, что один из основателей агитэскадрильи, Михаил Ефимович Кольцов, получил звание летнаба согласно приказу РВС, подписанному К. Е. Ворошиловым. На публикуемом снимке командир авиагруппы М. Е. Кольцов снят рядом с гидросамолетом Ш-2.

Свердловск. **В. ЗАЙЦЕВ**

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ВЫСТУПЛЕНИЙ

У ЧЕТЫРЕХ НЯНЕК...

В тридцать пятом номере «Огонька» за 1985 год был опубликован критический репортаж «Как каталась капуста». Поводом послужили письма читателей с жалобами на плохое снабжение москвичей овощами в разгар лета. Снабжением столицы овощами и фруктами ведают четыре организации: министерства плодоовощного хозяйства СССР и РСФСР, «Главмосплодовощпром», подчиненный союзному министерству, и «Мособлплодовощхоз» — республиканскому. И все они должны как-то скоординироваться, чтобы бесперебойно и планомерно обеспечивать столицу овощами. Но, к сожалению, дело идет по старинной несколько перефразированной пословице «У четырех нянек дитя летом оказалось без витаминов».

На это выступление пришел ответ от «Главмосплодовощпрома», подписанный заместителем начальника И. Матвеевым. Ответ обстоятельный, с цифрами и конструктивными предложениями в адрес областных организаций. «Хозяйства Московской области в нынешнем году не выполнили восьмимесячный план поставки по раннему картофелю, капусте, и из всего ассортимента прочих овощей более чем двадцати наименований план поставки выполнен лишь по петрушке».

Петрушка, конечно, полезна, хороша, но покупать одну петрушку вроде бы скучновато! В июле план поставки москвичам кабачков был выполнен лишь на 2 процента, картофеля — 14,4 процента, капусты — 52,3 процента. Лето было дождливое, подмосковным совхозам туго пришлось. Но ведь август выдался теплый, и те же кабачки на садовых участках возлежали рядами на земле. Почему же совхозы сократили их «выпуск»? Ведь смог же, как явствует из письма «Главмосплодовощпрома», совхоз «Матвеевский» при плане поставки в августе 25 тонн укропа предложить еще 100 тонн.

«Главмосплодовощпром» неоднократно обращался в Мособлисполком с просьбой увеличить среди поставщиков овощей в столицу количество хозяйств, удаленных от нее не более чем на 30—50 километров,— это позволило бы расширить прямые связи «поле — магазин». Просьбу эту не уважили. Такая нежная зелень, как щавель, зеленый лук, морковь, редис и т. д., привозится за 80—150 километров. Долгая дорога, солнце или дождь, а кузова открытые. Зелень вянет, теряет товарный вид, покупать ее не хотят. Вот и получается: каждая седьмая тонна овощей, доставляемых в Москву, возвращается отправителю, где идет на корм скоту.

«Главмосплодовощпром» предложил создать в совхозах цеха по сортировке, упаковке и расфасовке овощей и поставлять их в Москву по утвержденным на каждый месяц планам, строго соблюдая ежедневные графики. «Однако,— говорится далее в письме И. Матвеева,— поскольку это требует значительной организаторской работы по созданию цехов, оснащению их холодильными емкостями, областные сельскохозяйственные органы всячески стараются уклониться от дальнейшего расширения доставки продукции непосредственно в магазины и в крупные предприятия общественного питания».

Читатели «Огонька» ждут от Министерства плодоовощного хозяйства РСФСР ответа: когда же наконец не от случая к случаю, а планомерно москвичи будут получать к своему столу свежие овощи? Почему «Мособлплодовощхоз» уклоняется от разумных предложений — расширить доставку овощей с совхозных полей непосредственно в магазины и крупные предприятия общественного питания? Думается, что к следующему лету надо подготовиться поосновательней.

Римма ЛИХАЧ

К. М. Симонов. Берлин. Май. 1945 год.

Фото Е. Халдея

Константин Симонов

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Конечно, всегда ощутима разница между теми, кто узнает писателя не только по его книгам, тем более столь многообразным по жанрам, какие были у Константина Симонова, и между теми, кто познает эти книги, не зная самого писателя.

Так вышло, что с 1947 по 1953 год мы работали вместе с Константином Михайловичем в секретариате Союза писателей СССР. Главой этого секретариата был Александр Фадеев. Я не помню случая, чтобы писатели, различающиеся не только по возрасту, но и по своим литературным взглядам, всегда и во всем соглашались друг с другом; каждый из нас являлся продуктом определенной среды, если хотите, даже географии, со своим представлением о мире, в котором мы живем.

Когда я пишу эти строчки, то вспоминаю Костю Симонова — не только по тем произведениям, которые мы все отлично знали. Я помню его стихи, прозу, смотрел его пьесы, вместе с ним как бы путешествовал по тем странам, куда ему не один раз приходилось выезжать, выполняя поручения Союза писателей и других общественных организаций.

На этих страницах «Огонька» мы видим фотографию Константина Симонова специального корреспондента «Красной звезды», по заданиям которой он во время Великой Отечественной войны побывал на ее фронтах от Баренцева до Черного моря, познав очень и очень многое.

Писатели — люди сложные. Да, конечно, бывают разногласия; встречаются отличные точки зрения. Но чем дальше уходит время, тем больше вспоминаешь то, что нас всех объединяло и помогало вместе работать.

У нас был очень хороший глава секретариата Александр Александрович Фадеев. Талантливейший писатель, прошедший большую школу, очень чуткий и внимательный человек. Разве я могу забыть, как меня, еще незнакомого лично с Фадеевым, навестил он однажды в московском госпитале, где я лежал в августе — сентябре сорок первого года после ранения на Западном фронте. А. А. Фадеев очень хорошо знал психологию наших литераторов. А ведь какие разные писатели входили в секретариат Союза писателей в ту пору! Михаил Шолохов, Константин Федин, Леонид Леонов, Александр Твардовский, Алексей Сурков, Константин Симонов, Федор Панферов, другие художники, которых привыкли называть мастерами слова, каждый из них по-своему вошел в литературу и занял в ней свое особое, прочное место.

Я смотрю на эту военную фотографию Константина Симонова и вспоминаю, что таким еще не знал его. Это уже потом были встречи, дискуссии в Союзе писателей, разные точки зрения по отдельным проблемам. Да, это был именно Союз писателей, ибо мы уважали друг друга, так учил нас Александр Фадеев.

Сейчас, перебирая поэтические книги Константина Симонова, я вспоминаю многие и прежде всего «Пять страниц» — обнаженное поэтическое повествование, написанное еще до войны; прекрасную книгу стихов «С тобой и без тебя», которая принесла, пожалуй, самую большую популярность Симонову. Да и не могло быть иначе, потому что в нее вошло стихотворение «Жди меня, и я вернусь...», над которым стоят две буквы «*В. С.*», посвящение замечательной актрисе Валентине Серовой. Стихи эти навсегда останутся живыми и близкими самым разным людям.

Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди,
Жди, когда наводят грусть
Желтые дожди,
Жди, когда снега метут,
Жди, когда жара,
Жди, когда других не ждут,
Позабыв вчера.
Жди, когда из дальних мест
Писем не придет,
Жди, когда уж надоест
Всем, кто вместе ждет.

Жди меня, и я вернусь,
Не желай добра
Всем, кто знает наизусть,
Что забыть пора.
Пусть поверят сын и мать
В то, что нет меня,
Пусть друзья устанут ждать,
Сядут у огня,
Выпьют горькое вино
На помин души...
Жди. И с ними заодно
Выпить не спеши.

Жди меня, и я вернусь
Всем смертям назло.
Кто не ждал меня, тот пусть
Скажет: — Повезло.—
Не понять не ждавшим им,
Как среди огня
Ожиданием своим
Ты спасла меня.
Как я выжил, будем знать
Только мы с тобой,—
Просто ты умела ждать,
Как никто другой.

Из этой же книги стихотворение уже совершенно иного, более обобщенного плана, но не менее лирическое, не менее эмоциональное:

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

Прекрасные стихи!

У нас не так много писателей, которые одинаково свободно работают в разных жанрах. Симонов был одним из немногих.

Не могу не отметить патриотическую направленность его всегда очень точно названных произведений — повестей «Дни и ночи», которые сразу завоевали в пору войны популярность у широкого круга читателей и «Дым отечества», романа «Товарищи по оружию», трилогии «Живые и мертвые», путевых записок.

Симонов очень много путешествовал по миру. Это прекрасно, когда писатель оставляет на бумаге то, что он когда-то увидел сам, что у него отпечаталось, запечатлелось в памяти. Тем самым он дает возможность увидеть и познать мир большому числу читателей.

Не могу также не отметить внушительный вклад Симонова в советскую драматургию. «Парень из нашего города», «Так и будет», «Русские люди», «Русский вопрос»... Драматургические произведения Симонова не оставляли равнодушными зрителей.

Я вспоминаю остроту, точно названную пьесу «Русский вопрос» и вижу, что этот вопрос стоит на повестке дня и сегодня в наших отношениях с Соединенными Штатами Америки, ценю мужественную пьесу «Русские люди», другие драматургические произведения Симонова.

Сейчас о жизни и творчестве Константина Симонова выходит немало работ и, в частности, мы публикуем в этом номере статью Н. Б. Волковой, директора ЦГАЛИ,— своеобразную расшифровку богатейшего литературного архива Константина Михайловича. Думается, что эта публикация многое откроет нашим читателям.

Сейчас любая «круглая» годовщина рождения писателя, тем более такого крупного и яркого, каким был Константин Симонов, является особой датой для всей нашей советской литературы. Таково и семидесятилетие Константина Симонова, чьи произведения всегда будут жить в сердцах советских людей.

Анатолий СОФРОНОВ

Фонд № 1814

Н. Б. ВОЛКОВА,
директор ЦГАЛИ СССР,
кандидат филологических наук

Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (ЦГАЛИ) собирает и хранит архивы учреждений и общественных организаций своего профиля и материалы личных архивов выдающихся писателей, композиторов, художников, актеров и режиссеров театра и кино. Особенно полно представлена в ЦГАЛИ советская литература, отраженная в фондах В. В. Маяковского, С. А. Есенина, А. А. Ахматовой, Н. А. Островского, А. А. Фадеева. Среди них хранится и личный фонд № 1814 — фонд Константина Михайловича Симонова.

Первые документы, заложившие его основание, поступили в ЦГАЛИ в 1941 году при образовании архива. В сентябре 1943 года собиратель автографов, поэт А. Е. Крученых передал в ЦГАЛИ несколько документов Симонова, в том числе рукопись его повести «Сталинград». В октябре того же года, во время одного из своих приездов в Москву, Симонов нашел возможность посетить архив и оставил в книге почетных посетителей следующую запись:

«Государственные литературные архивы — прекрасное начинание, к которому мы, писатели, должны отнестись со всей серьезностью и чувством ответственности.

19 $\frac{12}{X}$ 43 К. Симонов»

Через семнадцать лет после этого, в октябре 1960 года, Симонов приехал в ЦГАЛИ и оформил передачу своих литературных материалов на государственное хранение. Им было передано одиннадцать тысяч документов, состоявших из творческих рукописей, фотографий, писем читателей и зрителей. До последних дней жизни писатель сам продолжал передавать все новые и новые документы в архив. Сейчас только поступившие при его жизни материалы составляют около двух тысяч единиц хранения. После смерти К. М. Симонова, согласно его завещанию, в ЦГАЛИ поступило еще 34 000 документов. Часть архива в связи с подготовкой собрания сочинений остается пока в семье.

Чрезвычайно полно представлено в фонде литературное наследие писателя. В нем нашли отражение все жанры, в которых он работал, имеются рукописи всех основных произведений.

Эти материалы дают возможность познакомиться с работой писателя, проследить его творческий путь. Сохранились автографы первых стихотворений К. М. Симонова и поэмы о Беломорканале, над которой он работал пять лет. Привлекает внимание стихотворение «Декабристы и Пушкин» с замечаниями П. Г. Антокольского. Примечателен автограф стихотворения «Генерал», посвященного Мате Залка, о котором Симонов писал: «В стихах «Генерал» хромали рифмы и попадались неуклюжие строчки, но сила чувства, которое было в моей душе, сделала их, как мне кажется, моими первыми настоящими стихами».

Поэтическое наследие Симонова представлено также автографами отдельных стихотворений, их набросками в многочисленных тетрадях, машинописью и вырезками из газет и журналов, целыми сборниками. «Рассказ о спрятанном оружии», «Памяти Амундсена», «Кукла», «Песня о комиссаре», «Открытое письмо», «У огня», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», цикл «С тобой и без тебя». То, что мы знали наизусть, запечатлено для будущих поколений на страницах архивных документов. Как ни странно, нет автографа самого популярного стихотворения «Жди меня», хотя известно, что поэт неоднократно его переписывал по многочисленным просьбам. Зато сохранилась листовка со стихотворением «Убей его», отпечатанная в партизанской типографии в Крыму и присланная одним из бывших партизан Симонову. Очень многие стихи имеют авторскую правку. На стихотворении «Сторонники мира 1953 года» сохранились замечания А. Т. Твардовского.

О деятельности Симонова-драматурга можно судить по наброскам его первой пьесы о Беломорканале, большому количеству рукописей его пьес «История одной любви», «Парень из нашего города», «Русские люди», «Четвертый» и другие.

Многие произведения Симонова экранизировались, в фонде хранятся литературные сценарии и другие документы, отразившие работу над ними автора и постановщиков. Сохранился неосуществленный киносценарий «На старой Смоленской дороге», либретто которого Симонов сделал вместе с В. И. Пудовкиным. Имеются сценарии, дикторский текст, варианты, наброски к фильмам «Бессмертный гарнизон», «Нормандия-Неман» совместно с Э. Триоле и Ш. Спааком, «Если дорог тебе твой дом» с Е. З. Воробьевым и В. С. Ордынским, «Гренада, Гренада, Гренада моя!», над которым Симонов работал вместе с Р. Л. Карменом. Особенно обширен материал по документальным фильмам «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары». Исчерпывающая характеристика этого поразительного по своему составу комплекса документов содержится в предпосланном ему письме Симонова от 12 марта 1979 года: «Несколько пояснительных слов к прилагаемым материалам, которые я прошу включить в мой фонд в ЦГАЛИ.

С 1973 года и по настоящее время я занимаюсь различными работами, связанными с темой рядового советского солдата на Великой Отечественной войне. За эти годы мною с моими товарищами по работе на Центральной студии документальных фильмов и на Центральном телевидении были сделаны и выпущены на экран:

1. Полнометражный документальный фильм «Шел солдат...», продемонстрированный и в кино, и на телевидении.
2. Шесть телевизионных полнометражных фильмов под общим заголовком «Солдатские мемуары» о пехотинцах, артиллеристах, танкистах, саперах, разведчиках, связистах.
3. Две больших телевизионных передачи «Солдатские мемуары — письма», в которых состоялся разговор с авторами многочисленных писем, присланных мне в связи с фильмами «Шел солдат...» и «Солдатские мемуары».

В связи с работой над фильмами я имел подробные беседы, записанные на диктофон, более чем с пятьюдесятью кавалерами трех орденов Славы. [...] Я располагаю в результате полными стенограммами более чем ста тех или других бесед, а также подлинниками и копиями присланных мне в связи с фильмами писем. [...] Сдать этот материал я бы хотел двумя эшелонами, назовем их А и Б. Эшелон А, который я прошу принять у меня сейчас, включает в себя:

1. Справку о работе над фильмом.
2. Тексты семи фильмов.
3. Письма участников и членов семей участников войны, присланные мне после просмотра фильмов (в том числе с моими ответами и без моих ответов),— 3014 писем в 26 папках».

И все же наиболее обширен раздел симоновской прозы, который открывается его ранними очерками 1934 года, включает в себя его корреспонденции, очерки и рассказы военных лет, вышедшие четырьмя сборниками под общим заглавием «От Черного до Баренцева моря», повести «Дни и ночи» и «Дым отечества», роман «Товарищи по оружию», трилогию «Живые и мертвые», прозаический цикл «Из записок Лопатина». По многим из них можно проследить все стадии работы, начиная с набросков плана, вариантов произведения в целом или отдельных глав и кончая последующими переизданиями. Так роман «Товарищи по оружию» представлен черновыми заметками к нему, планами и набросками отдельных глав и частей, пятью предварительными вариантами, окончательным вариантом — текст публикации в «Новом мире» 1952 года с правкой и дополнениями автора при подготовке отдельных изданий в «Молодой гвардии» в 1954 году и в Госиздате в 1961 году.

Большое место в архиве Симонова занимают дневники и записные книжки. В обращении к ним, вероятно, сказалось тяготение писателя к достоверности в отображении действительности. Примечательно, что материалы, называемые автором «дневниками», не являются таковыми в общепринятом смысле. Так широко известные дневники Симонова военных лет, в окончательном виде напечатанные под заглавием «Разные дни войны», фактически составлялись из двух частей: записей о виденном, которые диктовались Симоновым машинистке между поездками на фронт, и записных книжек и блокнотов. Он сам так писал об этом: «Когда началась война, мне было двадцать пять лет. Четыре года я был корреспондентом газеты «Красная звезда» на различных участках фронта. Насколько это позволяли обстоятельства войны, я вел дневник. Возвращаясь в редакцию, между двумя поездками на фронт, я перединктовывал краткие записи, сделанные

Окончание на стр. 28.

Ребята из детской образцовой изостудии на Мамаевом кургане.

ЗДЕСЬ ИНТЕРЕС

Группа начального обучения художественной гимнастики. Тренер Татьяна Захарова.

Занятия в спортивном клубе «Баррикады» ведет Татьяна Сорокина.

Л. ЧЕРКАШИНА

Фото И. ГАВРИЛОВА

В фойе Волгоградского Дворца культуры имени Ю. А. Гагарина выстроилась длинная очередь в гардероб.

— Что у вас, праздник сегодня? — поинтересовалась я у гардеробщицы.

— Какой там праздник,— недовольно отозвалась она,— каждый день так: все идут и идут. Подружка посоветовала, говорила: самое спокойное место для работы — клуб. Сиди себе да вяжи...— И в сердцах добавила: — Как же, повяжешь тут!..

Чем же так привлекателен этот дворец в Волгограде, принимающий более миллиона посетителей в год?

Здесь интересно. Интересно всем и каждому. Потому-то среди кружковцев, самодеятельных артистов можно встретить и пятилетних (юные художники), и восьмидесятипятилетних (артисты фольклорного хора). Новички, впервые переступившие порог дворца, поначалу теряются: что же выбрать для себя? В ДК работают шестьдесят пять коллективов художественной самодеятельности, двадцать любительских объединений, семь народных университетов. Двенадцати коллективам присвоено почетное звание народного и образцового. Каждый из них особенный, каждый чем-то да знаменит. Один из старейших — народный танцевальный ансамбль «Волга», более тридцати лет руководит им заслуженный работник культуры РСФСР В. И. Копченко. Ансамбль — участник фольклорных фестивалей во французском городе Дижоне, побратиме Волгограда, обладатель редких наград «Золотое колье» и «Золотая гроздь».

Детской образцовой изостудией Александр Покатило руководит всего несколько лет. Однако работы его питомцев отмечены уже дипломами и наградами многих международных выставок, а рисунки пятилетней Маши Бриксы на фестивале детского творчества в Японии завоевали сразу три медали: золотую, серебряную и бронзовую.

Как случилось, что одержимые своим делом, творчески одаренные люди собрались под одной крышей? Счастливое „совпадение? Отчасти да. И все же главная заслуга в том директора — Валентина Петровича Шамшина. Про него так и говорят: талант на таланты. Валентин Петрович прекрасно знает все, чем живет каждый коллектив. И если помощь понадобится, то она будет. Потому и получается, что люди, работавшие раньше в других клубах и домах культуры и ничем прежде не примечательные, у Шамшина смогли проявить себя, свои способности.

Шамшина трудно представить вне дворца, так же как и дворец без него. Не в шутку Валентина Петровича называют «генератором идей». Так уж получается — все, что он задумывает, практически воплощается в жизнь: проекты становятся зданиями, идеи вырастают в конкретные дела и события.

Более двадцати лет ДК работает в самом тесном контакте со стадионом, библиотекой, музеем. Вот он, прообраз современного культурно-спортивного комплекса!

Дворец культуры невозможно отделить от парка, это как бы его естественное продолжение. Летом жизнь во многих городских клубах замирает: кому захочется сидеть в четырех стенах, когда воздух в городе по-степному сух и горяч. А в ДК имени Ю. А. Гагарина она идет полным ходом, но вся работа переносится в парк. Для детей устраиваются здесь веселые автоಾралли, праздники с несколько необычным названием «У папы большой выходной день», работают аттракционы.

Сегодня Дворец культуры имени Ю. А. Гагарина — победитель многих всесоюзных смотров. Можно говорить и о своей, сложившейся здесь школе: ученики Шамшина возглавляют дворцы и дома культуры в других городах, работают они и в Волгограде.

Хорошая чёрта директорского характера—умение критически пересмотреть свои же решения. Нет у него боязни быть неправильно понятым, нет ложного страха за свой авторитет. Авторитет руководителя ежедневно, ежечасно подтверждается его делами. А они все на виду.

Репетиция духового оркестра.

Народный ансамбль танца «Волга» выезжает с концертом в село.

Владимир **ФОМИЧЕВ**

Отчий дом

ЛИРИЧЕСКАЯ ПОЭМА

Землякам-угранцам

1

Сердцем живу. Потому в двадцать лет
Стал я седым, как ворона.
Батя, хоть в мире давно тебя нет,
В стужу твоею избою согрет,
Шлю ей земные поклоны.
Рубленная накануне войны,
Как древний кремль, пятистенка.
Из первосортной смоленской сосны.
Всем хороша: от хозяев честных
До расписного простенка.
Горницы, русская печка, скамьи,
Стол, сундуки, самопрялка,
Прочая утварь крестьянской семьи.
Песнями жили в избе соловьи,
Песней вплывала трехрядка.
Ну, а важнее всего, что полно
Было в смолистой народу —
Три поколенья и все, как одно,
Семь человек, три звена со звеном,
Цепь неразрывная рода.
Скажем, отец. Это главный венец
В нашей семьи крепком срубе.
Мама — хозяйка. Бабушка? С ней
Сказки нетленные встретит малец,
Жизни старинной пригубит.
Четверо нас. И свободен любой
Выбрать свое, что по сердцу.
Но есть обязанности: за водой
Свежей сходить, скот направить домой,
Покараулить наседку.
Без суеты отбирали века
Нужные вещи, строенья.
Всё под рукою в гнезде мужика,
Всё, что там есть, нужно наверняка,—
Отчих столетий уменье.
Разве могу я не видеть того?
Чуждый отцам, позабуду?
Через избу ощущаю родство
С жизнью народной. Родней ничего
Нет на земле и не будет.
О, как я рад, что родился в избе,
Сын Тимофея с Аксиньей,
Живших землею, в труде и борьбе,
И приучавших вовек не робеть,
Быть дерзновенным и сильным.
Необозримы просторы земли,—
Края и зноя, и стужи,
Где наши души когда-то взошли,
В избах отцовских живыми взросли,
Родине верные души.

2

Вой «Дранг нах Остен»,
Как диких зверей,
В нашу сторонку вкатился.
Враг ненавистный, ворюга-злодей,
Что не придумать подлее и злей,
В добрые избы вломился.
Батя на фронте, а дом, что срубил,
Занял эсэсовец желчный.
В нем шибко важный из рода громил
Сам генерал поселиться решил,
Выгнав детишек и женщин.
Рядом уже невозможно пройти.
Два часовых пред избою.
Ходят по улице, мрачны, люты.
Мы же в обход — по тропинке за тын,
Время настало крутое.
Плотный огонь. Партизаны. Десант.
Конница. Танки. Пехота.
Мука святая. «Ни шагу назад!»
Мужество. Храбрость. Тоскующий взгляд.
Два изнурительных года.
Тятька родимый, на фронте тебе
Снится ли фронт в Желтоухах?
Красная Армия, скоро ль хребет
Фрицу сломаешь? Мы нашей судьбе
Верим, не падаем духом.
Нет, оккупация — это не тыл.
Стаж фронтовой двухгодичный
Каждый имеет из нас. У могил
Односельчан, зубы стиснувши, стыл
Житель, как воин, трагично.
Не перенесшую выпавших мук
Девочку мы схоронили,
Крошку, сестренку грудную. Мой друг,
Сколько таких бесконечных разлук
Помнят угранские были!
Вечная скорбь! Белый свет без нее
Я уж теперь не увижу...
Фрицев круша иль беря их живьем,
Освобожденье катилось. Огнем
Занялись низкие крыши.
Немец отходит. Что можно — спалит:
Избы, сараи, поленья —
Все подчистую. Грабитель не сыт,
Злобой последней, кровавой налит.
И полыхает деревня.
Но, убоявшись отмщения, сник,
Дрогнул и жизни не отнял,
Как в Новоселках, Чертовке, других
Селах смоленских, где сотни живых
Факелов в вечность он поднял.
Враг беспощадный родительский дом,
Ласковый мир уничтожил.
Где-то покоится в крае ином
Тело хозяина. Тужит о нем
Дуб — до Победы он дожил.

3

Мама терпеньем, любовью, трудом
К жизни опять возродила
Умерший смех ребятишек и дом
На пепелище, от горя седом,
Искренность, щедрость и силу.
Вдовы закрывших Россию солдат,
Наши безмолвные мамы!
В сердце глаза ваши грустно глядят,
Что возвращают к истокам, назад.
Все мы в долгу перед вами!
Нынче, измерив десятками лет
Вдовий удел неутешный,
Полон прозрений я, возрастом дед:
Вдовы спасли от жестокости свет,
В нас переливши сердечность.
Где бы и как ни болели душой,
В злейших тисках ни бывали —
Из океана, из шахты к родной,
Из общежитий, казарм — к ней одной,
К матери мы прибывали.
Смутность теряли во вдовьей избе,
Лет напряженных усталость.
И помогали в косьбе, городьбе.
Дома стыдились, что стали грубеть,
Заново-будто рождались.
Кто, кроме мамы, избы прежний дух
Мог сохранить, я не знаю.
Это любовь! Не случайно, мой друг,
По-молодому зардеется вдруг
Мама, отца вспоминая.

4

...И время это не в далекой мгле,—
Какие только странности и страсти
Не объявлялись на родной земле.

А. Твардовский

Словно в квартиру, входи, молодежь,
В эти Твардовского строки.
Ну, а во мне ты, эпоха, живешь
Болью не книжною...
Слезы, как дождь,
Лью на родимой сторонке.
Место, где отчий был дом, не найду.
Определять помогали
Липы соседские, «собственный» дуб,
Плакавший с нами в победном году,
Чувство исхоженной дали.
Вот оно, вот же, где, как говорят,
Пешими по́д стол ходили.
Чащи малины. Без риска горят
Ягоды. Зверь набегать сюда рад:
Всё кабаны поизрыли.
Вот она, Загородка, где трава
Отроду лучшей считалась.
Каждый, хотя бы прокоса на два,
Долю имел тут.
Узнаешь едва:
Вовсе косить перестали.
Вот они, яблони, сливы — детьми
С думой о завтра (забыть ли?)
Их посадили в отечестве мы.
Позасыхали: иль злоба зимы,
Иль невниманье убили.
Вот оно, поле — пахал, боронил,
Сеял, полол, веря в счастье.
Сколько моих в нем и пота и сил!
Не обработано. Дождичек смыл
След человека всечасный.
По Желтоухам дорога и то
Нынче уже не проходит.
Сделан объезд... Все как сквозь решето...
И, как в грозу, не виновен никто...
Мчатся бессонные годы!

5

Что же осталось? Остались бойцов,
Ныне в могилах лежащих
В Знаменке, Всходах, у стен городов,
Ярая сила и клич: «Кровь за кровь!»,
Прадедов гены горячие.
Что же осталось? Осталась полям
Все победившая верность
Мамы родимой и сверстников мам,
Что до последнего тужились там,
Верность крестьянок безмерная.
Что же осталось? Желанье дожить,
Как на войне, до Победы,
Планов державных, пройти рубежи
Преодолений. И радость души —
Новь возрожденья изведать:
Отчего дома победу!

«ВО ВСЕ БОЛЕЕ ШИРОКИХ МАСШТАБАХ БУДУТ ПРОВОДИТЬСЯ ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ, ХИМИЗАЦИЯ, РОБОТИЗАЦИЯ, КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВА...»

Из проекта новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза

ВРЕМЯ ЭЛЕКТРОНИКИ

Н. ХЛЕБОДАРОВ,
фото Г. КОПОСОВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

...У меня на кончике пальца лежит тяжелая золотистая таблетка с гребешками-усиками. Это «ЧИП» — сверхминиатюрное «сердце» ЭВМ, которой под силу управлять современной сталеплавильной печью, атомным реактором и помогать поставить диагноз при самых сложных заболеваниях.

НА ПРИЕМ К... КОМПЬЮТЕРУ

Захожу в небольшой кабинет поликлиники № 78 Брежневского района Москвы. Кроме дисплея с печатающим устройством для медицинских заключений, ничто моего внимания не привлекает. Остаюсь наедине с ЭВМ. Набираю на клавиатуре свою фамилию, имя, отчество, возраст и домашний адрес. От машины получаю команду: «Приготовиться к опросу!»

Ждать не приходится: на экране появляются вопросы. Такие же, какие обычно задает врач: «Что болит, на что жалуетесь, как быстро утомляетесь, нормальный ли сон?» Отвечать просто: нажимай кнопки — да, нет, не знаю. Правда, каждый ответ машина просит подтвердить вторичным нажатием выбранной кнопки.

Машина начинает задавать интимные вопросы. Если бы спрашивал врач, то наверняка от прямого и точного ответа я бы уклонился. Но я беседую с неодушевленной машиной, и это снимает психологическое напряжение. Вопросов много, и каждый из них ЭВМ ставит, «цепляясь» за предыдущий ответ.

Наконец, опрос окончен, и печатающее устройство выдает мне бланк. Читаю: «Характерны частые изменения настроения, раздражителен, имеются психофизические перегрузки. Изредка бывают головные боли, тяжесть в затылке. Слух ухудшается. Испытывает жажду по утрам, сухость кожи явная. Иногда трудно сосредоточиться, нетерпимость к командам. Имеется скованность, напряженность...

Предварительное заключение: рекомендуется пройти флюорографию, провести клиническое обследование на диабет, обследоваться у невропатолога. Сердечно-сосудистых и онкологических симптомов не установлено. Другие показания в норме...»

Признаться, такого диагноза я не ожидал. Стрессы — нормальное состояние журналиста, поэтому считал, что нахожусь в обычной форме.

Когда я показал это заключение врачу, он меня успокоил: «Ничего страшного. Надо снизить нагрузки и удлинить сон на свежем воздухе».

— Система, которая вас опрашивала,— поясняет мне один из ее разработчиков, кандидат технических наук Владислав Константинович Ольшанский,— называется «АСКИС» — автоматизированная система контроля и слежения за здоровьем населения.

Читаю проспект системы, демонстрировавшейся на выставке НТП-85: «АСКИС» разработана Институтом проблем управления Минприбора СССР и Академии наук СССР совместно с рядом других организаций — Всесоюзным онкологическим научным центром, Институтом экспериментальной эндокринологии и химии гормонов Академии медицинских наук, Институтом кардиологии Министерства здравоохранения Латвийской ССР и городской поликлиникой № 78».

Обширные знания о болезнях и опыт их лечения в ведущих организациях здравоохранения заложены в память ЭВМ в виде диска, похожего на мини-пластинку. При ответах пациента (на 10—50 вопросов) ЭВМ сама сравнивает симптомы с предусмотренными программой, затем все «обдумывает» и выдает рекомендации. Диагноз машина не ставит, а лишь обращает внимание врача на существенные симптомы. Учитывается и юридическая сторона вопроса: ЭВМ не может отвечать за ошибку в диагнозе. Окончательное слово за лечащим врачом. Машина лишь дает ему «информацию для размышлений» быстро и на высоком профессиональном уровне.

— Применение компьютеров в медицине — яркий пример комплексной автоматизации непроизводственной сферы, на что впервые обращено внимание в проекте новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза,— подчеркивает Ольшанский.

— Как реагируют на такого «врача» пациенты?

— Неплохо!

Это можно понять. Контакт с ЭВМ лишен субъективности и эмоций. За 10—15 минут машина задает до 100 вопросов. Разве врачу это всегда под силу? В вопросах есть своя логика, программа опирается на опыт ведущих ученых-медиков. Пока идет отладка системы, но обследовано уже более двух тысяч человек. Рекомендации ЭВМ оказали неоценимую пользу: когда бы такую массу народа мог выслушать участковый врач? Больные поставлены на учет и теперь лечатся.

— А каковы перспективы такой диагностики?

— Система очень важна в связи с диспансеризацией населения. Такой осмотр позволяет быстро выявлять «степень риска» пациента. Это далеко не всегда удается сделать врачу в ходе обычного поликлинического обследования. ЭВМ работает быстро. Это очень важно. Огромную роль играет и преодоление психологического барьера: замечено, что не перед каждым врачом больной «изливает душу». На многие вопросы, существенные для диагноза, он не отвечает или невольно приукрашивает свое состояние. Неопытного врача это часто сбивает с толку, а машина беспристрастна.

...В разработке системы участвовали как высококвалифицированные медики, так и специалисты-математики. Мой собеседник Ольшанский закончил знаменитый физтех — Московский физико-технический институт и защитил диссертацию по системам управления. Пять лет проработал во Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ). Занимался он там информационными системами по здравоохранению и распределению лекарств в развивающихся странах Африки и Азии.

Тогда и пришла ему мысль разработать информационную систему, которая давала бы возможность быстро выявлять лиц с повышенным риском заболевания. Для этого нужны банк информации о распространенных заболеваниях и ЭВМ, которая могла бы вести поиск по группам риска, связанным с этими заболеваниями.

Ученые идут значительно дальше: используют, например, биохимические и морфологические характеристики крови. При современных методах исследований по капле крови человека можно определить около 60 параметров. Если эту информацию дополнить еще данными о давлении, температуре, пульсе, введенными через специальные датчики непосредственно в ЭВМ, то, чтобы узнать о своем здоровье, потребуются считанные минуты. А после статистического анализа предыдущих данных могут быть выявлены границы морфологических норм здоровья и его отклонения по разным причинам. По такой системе можно не только следить за своим самочувствием, но и прогнозировать его на будущее...

ЭВМ — АРХИТЕКТОР

Здоровье родных и близких, собственное самочувствие, безусловно, волнуют всех нас. Но не менее близки нам и проблемы удобного и комфортабельного жилища. Это-то и привело меня в Центральный научно-исследовательский и проектно-экспериментальный институт по методологии, организации, экономике, автоматизации проектирования и инженерных изысканий.

Как-то известный создатель уникальных сооружений, академик, лауреат Ленинской и Государственных премий Николай Прокопьевич Мельников рекомендовал мне рассказать о созданной им автоматизированной системе проектирования в строительстве. Он показал альбом оригинальных конструкций, которые через стереоскопические очки смотрелись словно уже построенные. Эти конструкции нарисовала ЭВМ. Тончайшая работа, непосильная даже для опытного чертежника. «Картинки» так запомнились, что потом я невольно узнавал их и в горьковском кафе-мороженое «Север», и в харьковских административных зданиях, и в подмосковных домах отдыха. В Горьком даже внимательно рассмотрел и нашел так называемый «регулярный сектор»— тысячи их и составляют всю конструкцию. В натуре такая конструкция напоминает грани отшлифованного бриллианта. Особенно поражает знаменитая «сеть Чебышева», содержащая... 17 тысяч точек. Вручную ее нарисовать практически невозможно, а ЭВМ чертит идеально...

И вот я среди специалистов, создающих системы комплексной автоматизации проектно-графических работ. Ведущий инженер Людмила Стрельникова показывает, как работает одна из таких систем: на дисплее рисуется дом в плане и начинается «игра» с перестановкой стен, размещением подсобных помещений, передвижкой окон до желательного варианта. При необходимости на экран можно вывести любую деталь плана, рассмотреть ее со всех сторон, под любым ракурсом.

Стрельникова хорошо знает возможности ЭВМ и по ходу ее работы вмешивается в нее с помощью «светового пера» и клавиатуры.

Хотя в память ЭВМ заложена значительная информация — ГОСТы, справочники, типовые чертежи,— этого еще недостаточно, чтобы машина работала самостоятельно. Оказывается, ЭВМ не может действовать без «подсказки». Только 60—80 процентов информации, заложенной в память машины, она может использовать самостоятельно, а дальше ей надо подсказывать, что надо доделать. Вот тут человек и берет на себя экспертную оценку работы ЭВМ и подключает свои знания и опыт. Так в диалоге с ЭВМ специалист полнее раскрывает свои творческие способности.

— В будущем мы не будем иметь дело с томами чертежей, синек и прочей документации. Строители получат своеобразные кассеты с магнитной лентой, на которой будут записаны все параметры нового дома. Стоит эту информацию ввести в ЭВМ, и она выдаст вам на дисплее или в виде чертежей любую деталь с необходимыми размерами до объемного изображения дома с любой точки, хоть с высоты птичьего полета,— поясняет руководитель группы Александра Артеменко.

Тут же мне продемонстрировали план городского района, на котором «сообразительная» ЭВМ быстро и четко выделила вариант плана с домами разной этажности. Появилась схема, рисующая тот же район в динамике его застройки: выделены дома, построенные в разные годы, и новостройки. Затем ЭВМ «выбрала» удобный рельеф местности и «набросала» подробный план застройки. Быстро и наглядно...

ЭВМ может не только быстро дать любую проекцию в любом ракурсе, но и создать стереопары рисунков, которые позволяют видеть строение в трехмерном пространстве с любой точки. Объемное видение открывает новые перспективы. Этот принцип заложен в АСУ «Москва» для организации строительного конвейера в новостройках. На объемных диаграммах четко видны все этапы строительства и характер перемещения строительных материалов, техники. Руководителю высокого ранга не нужно анализировать многочисленную информацию для принятия решения: наглядная картина всего строительного конвейера у него перед глазами.

— Машинной графикой я стала заниматься давно,— говорит кандидат технических наук Лидия Лебедева.— После окончания Горьковского университета работала в вычислительном центре. Занималась вводом графической информации и распознаванием образов. За восемь лет работы накопился солидный материал, и я стала читать лекции «ЭВМ в архитектурном проектировании». Через два года натолкнулась на статью академика Мельникова в журнале «Архитектура СССР».

Его идеи мне очень понравились, и я стала искать им практическое применение. С помощью ЭВМ нарисовала конструкции, приведенные Мельниковым, и показала их ему. Тогда машинной графикой занимались лишь в Москве, Ленинграде и в Горьком. Меня пригласили в аспирантуру ЦНИИ автоматизированных систем в строительстве. Защитила диссертацию и занимаюсь созданием систем комплексной автоматизации проектно-графических работ...

Первая творческая работа, как и первая любовь, не забывается. Сейчас средства машинной графики используются во многих сферах человеческой деятельности: от ускорения работы художников-мультипликаторов до планировки новых городов. И Лебедева уверена, что скоро любое самое сложное сооружение и даже целые кварталы городов можно будет увидеть в голографическом изображении. В памяти ЭВМ дремлют фантастические проекты домов, космических станций, подводных жилищ...

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ РОБОТ

Когда я пришел на кафедру микроэлектроники Московского института электронного машиностроения, я уже точно знал, что заведующий кафедрой, профессор Евгений Леонидович Глориозов «угостит» меня сенсацией. Мы знакомы давно, и я не перестаю удивляться возможностям этого человека, которые он проявляет не только в науке, но и в большом спорте. В свое время я был его соперником в борьбе самбо и, поняв, что победить его невозможно, ушел из большого спорта. А он стал пятикратным чемпионом страны.

До поступления в Московский университет он был слабеньким и застенчивым. Однажды девушка, с которой мы дружили, пригласила его на день рождения. Ему сказали, что «его там не ждут». Если придет, то будет побит. Он пришел и получил свое. После этого он стал так неистово тренироваться, что в 20 лет стал чемпионом страны по борьбе самбо среди взрослых. С тех пор на ковре ему не было равных.

В расцвете его спортивной славы Рэм Викторович Хохлов (будущий академик и ректор МГУ), ставя тройку Глориозову на экзамене, с досадой отметил, что спорт и наука — вещи несовместимые, надо выбирать что-то одно.

Тогда, в 1965 году, он в один год выиграл чемпионат СССР и... защитил кандидатскую диссертацию по автоматизации проектирования ЭВМ.

Затем создал знаменитый клуб самбистов МИЭМ и вывел свою институтскую команду на второе место в стране, воспитав более двух десятков мастеров спорта. Ректорат института уже махнул рукой на него, как ученого, видя его спортивные увлечения. А он стал готовить докторскую диссертацию по синтезу логических структур современных ЭВМ. Я был на защите и понял, что Глориозов продемонстрировал первые машинные эксперименты по «генерации» — изобретению новых технических решений с помощью ЭВМ. Его работа носит новаторский характер и открывает путь к практической реализации идей искусственного интеллекта.

Я слышал отзывы специалистов, они очень высоки. Глориозов же, став профессором, нисколько не изменился и до сих пор тренирует институтскую команду самбистов.

И на этот раз Глориозов был верен себе. На экране дисплея он «выставил» логическую схему последнего патента. Мощная ЭВМ уже была напичкана необходимой информацией (из патентного фонда). И он приступил к необычной игре.

— Сейчас я покажу тебе, как работает интеллектуальный компьютер, машина-«изобретатель»,— сказал он и начал манипулировать клавиатурой.— Ты, конечно, знаешь, что ничего из ничего не возникает. Во всем есть своя логика. Тебя теория эволюции не удивляет? Меня она поразила: все четко и совершенно.

А нельзя ли смоделировать на ЭВМ эволюцию технического решения, заставить машину действовать по принципу естественного отбора, идущего в природе? Иными словами, запоминать только лучшие варианты полученных решений, конструкций и так далее, и отбрасывать худшие.

Однажды я узнал, что известный ученый Паск вырастил кристалл с заданными логическими свойствами при воздействии определенным образом на природную среду — коллоидный раствор. И тут меня осенило: а чем, собственно, информационная среда отличается от этого раствора? Только тем, что она нематериальна.

Мне пришла в голову идея: «заставить» ЭВМ... «изобретать» путем разложения объекта на части, перебором вариантов, изменением условий задачи. Я был уверен, что в огромной информационной среде можно «выращивать» своеобразный кристалл — новое техническое решение...

...Занимаясь системой автоматизации проектирования, ученый пришел к выводу, что следующий шаг — передача ЭВМ ряда творческих задач, которые раньше инженер решал на основе накопленных знаний, опыта, интуиции.

И Глориозов начал первые машинные эксперименты по генерации новых патентоспособных технических решений в области проектирования логических элементов ЭВМ. Точно по аналогии с эволюционным процессом.

Евгений Леонидович еще долго объяснял бы мне механизм «поиска новых решений», на принципе которого он создает «интеллектуального» робота. Но тут пришел его дипломник Михаил Царев, мастер спорта по самбо, и напомнил, что профессора ждут в спортзале его ученики. Скоро в Ленинграде состоится первенство Европы по самбо, и самбисты МИЭМ готовятся к поездке. Пока мы спускались в зал, Глориозов то ли в шутку, то ли всерьез рассказал, что ученых он предпочитает готовить из спортсменов-самбистов, потому что ни один вид спорта не развивает человека так всесторонне, как борьба самбо. Тот же Миша Царев, несмотря на молодость, имеет уже научные публикации и изобретения. И на борцовском ковре он постоянный партнер профессора.

ЕДИНАЯ ТЕХНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

— Проект новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза предусматривает коренное преобразование в технике и технологии, мобилизацию всех технических, организационных, экономических и социальных факторов. Поставлена конкретная задача: увеличить производительность труда в два — два с половиной раза. Практически за счет интенсификации труда. Наука становится непосредственной производительной силой...

С этих слов началась наша беседа с заместителем директора Института электронных управляющих машин кандидатом технических наук Сергеем Никитичем Хрущевым. Этот институт является головным по разработке так называемых малых ЭВМ.

— Вот вы осмотрели многие лаборатории. Обратили ли вы внимание на определенное единообразие наших машин? В этом наша сила! По единой программе разрабатываются базовые модели не только для нужд страны, но и в рамках международного соглашения для стран — членов СЭВ,— говорит ученый.— Тут без единой технической политики не обойтись. В каждой базовой модели учтены все новые требования заказчиков. Наши ЭВМ универсальны и работают почти во всех отраслях промышленности, сельского хозяйства, науки. Основное требование к ним — надежность работы и выполнение заданных функций. Они постоянно совершенствуются.

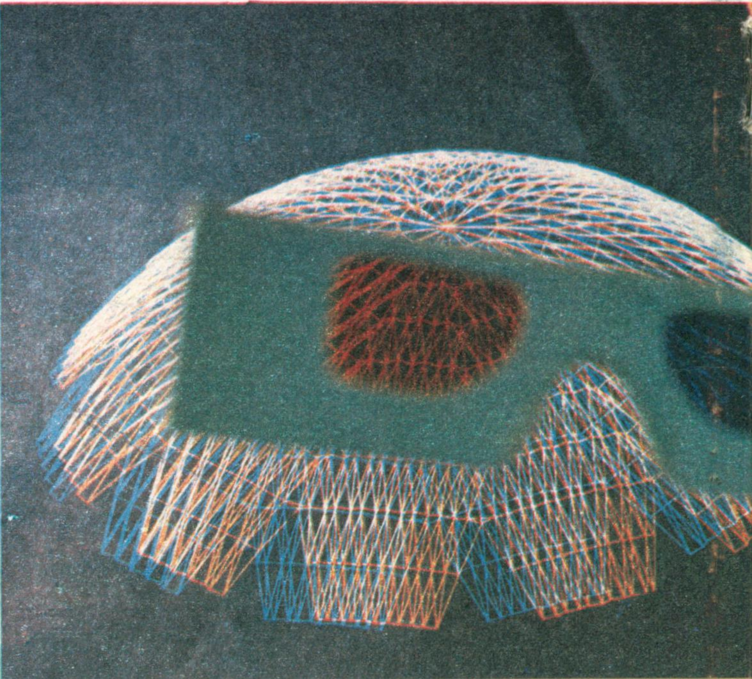
Для сложных процессов мы создаем управляющие вычислительные комплексы на основе взаимоувязанных технических и программных средств. Тут главную роль играет совместимость, обеспечивающая их взаимное общение. Основное здесь — программное обеспечение.

Убежден, что «профессию» программиста должен уже сейчас освоить каждый инженер. Без компьютерной грамотности его работа немыслима сегодня и особенно завтра. Тогда человек займется только творческой работой. И главным помощником у него будет ЭВМ, которая значительно усилит и его интеллектуальные возможности...

Испытание нового вида памяти ведет старший научный сотрудник А. К. Андреев * Фрагмент магнитного «мозга» ЭВМ.

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: Диалог кандидата технических наук В. К. Ольшанского и пациента с автоматизированной системой контроля и слежения за состоянием здоровья населения * Электронный «глаз» ЭВМ * Профессор Е. Л. Глориозов со студентами Юрием Фокиным (слева) и Михаилом Царевым * Так рисует компьютер * Наладочный зал малых ЭВМ Института электронных управляющих машин.

«СКОРАЯ ПОМОЩЬ» ДЛЯ ЧЕРНОГО МОРЯ

В СТРАНАХ «ИНТЕРКОСМОСА» СОЗДАЮТСЯ ПРИБОРЫ НОВОГО ПОКОЛЕНИЯ ОКЕАНОГРАФИЧЕСКИХ СПУТНИКОВ.

**Владимир КОВАЛЕВ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные
корреспонденты «Огонька»**

У ОПАСНОЙ ЧЕРТЫ

В свой двенадцатый рейс научно-исследовательское судно Морского гидрофизического института АН УССР «Профессор Колесников» пошло из Севастополя, порта своей приписки, ради сохранения богатств Черного моря. Впереди — три тысячи миль и месяц напряженной работы. На борту корабля — химики и математики, гидрологи и оптики, биологи и гидрофизики. Корреспонденты «Огонька» записаны в судовой роли пассажирами, а в действительности подчинены распорядку дня научной экспедиции, принимающей участие в комплексном эксперименте «Черное море-85». Он проводится в соответствии с программой международного сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях — «Интеркосмос».

— К началу четвертого десятилетия космической эры искусственным спутникам Земли надлежит заступить на круглосуточную морскую вахту, ибо настало время возвращать морям и океанам долги человеческие. Вместе с космонавтами на орбите мы фактически участвуем в создании нового поколения океанографических спутников, которым предстоит работать с полной отдачей, решать целевые народнохозяйственные задачи стран — членов СЭВ, — кратко сформулировал суть эксперимента начальник международной комплексной экспедиции Вячеслав Урденко.

...Теперь, собственно, о долгах. Интересные данные приводили мне в Морском гидрофизическом институте, в Институте биологии южных морей Академии наук УССР, позже в варненском Институте морских исследований и океанологии Болгарской академии наук. Получалось, что богатейшее в недалеком прошлом флорой и фауной Средиземное море за два последних десятилетия лишилось сорока процентов всех живых существ. Лишилось безвозвратно! Мировой океан, превращенный во вселенскую свалку, уже не способен выполнять такую работу, как утилизация миллионов тонн мусора, оставаясь при этом относительно чистым. Если он и дальше будет покрываться нефтяной пленкой (а в воду сейчас попадает нефти больше, чем в руки человеку на заре нефтедобычи), планета рискует остаться без кислорода. На все огромное Черное море осталось только девять (!) особого вида тюленей, обитавших когда-то в изобилии. Не так уж много и дельфинов — морские красавцы гибнут, глотая пластиковые пакеты, бутылки...

— Черное море — почти закрытый водный бассейн, связанный с «внешним миром» единственным тесным проливом,— рассказывал заместитель директора варненского института Петко Димитров.— За словом «почти» кроются триллионы кубометров грязной соленой воды Средиземноморья, которые вливаются через Босфор с юга. Наше море пока выдерживает массовое нашествие туристов, терпит заводы и комбинаты на побережье, пусть хамсой, но заполняет рыбацкие тралы, служит неплохой транспортной магистралью. И все же медленно, но верно оно приходит к печальному состоянию. Мы начинаем с опасением посматривать на Дунай, который, собирая воды четырнадцати европейских государств, выносит эту далекую от прозрачности жидкость в западную часть Черного моря.

В этих условиях любое научное исследование становится ответственным. Сразу у нескольких государств Европы возникает общая проблема: Черное море как часть глобальной экологии Мирового океана. Социалистические страны — члены Совета Экономической Взаимопомощи показывают пример целенаправленного, комплексного сотрудничества, объединив в целевой программе «Черное море» — «Интеркосмос» свои научные и производственные потенциалы. Космической науке в этом важном деле, рассчитанном как минимум на десятилетие, с самого начала отводилась ключевая роль. Ведь надлежит создать на околоземной орбите системы, способные в любой момент, днем и ночью, сквозь облака «посмотреть» и «пощупать» море, а затем оперативно передать эти данные на Землю.

Уже в феврале 1979 года на орбите начал работать первый советский океанографический спутник «Космос-1076». Некоторое время спустя на океаны и моря нацелились приборы спутников «Интеркосмос-20» и «Интеркосмос-21»...

Это были только первые шаги, продиктованные логикой сознания.

К ЗАГАДКАМ ПОГОДЫ

...К вечеру следующего дня «Профессор Колесников» вышел на рейд варненского порта. С утра пораньше на судне встречали старых знакомых — специалистов Института космических исследований АН ГДР. Крепкими рукопожатиями обменялись друзья и коллеги — руководитель экспедиции Вячеслав Урденко и доктор Герхард Циммерманн. Появление Клауса Бахманна вызвало бурю эмоций, тут же вспомнили совместный поход в Атлантику несколько лет назад, сражение этого высокого, крепко сложенного мужчины с «морской болезнью» и его попытки запомнить некоторые заковыристые русские слова. Сейчас Клаус, инженер-электронщик, представил новичков Хайнца Хенделя и Томаса Вальцеля.

К полудню на борт поднялись остальные — молодые инженеры-физики из Гданьского университета Людвик Таргоньски и Адам Кренжель, серьезный и молчаливый Георгий Каменов из Центральной лаборатории космических исследований в Софии. Единственный, кстати, представитель Болгарии. Вечером в кают-компании все участники международной экспедиции знакомились друг с другом. А рядом у причальной стенки сиял огнями красавец «Академик» — научное судно болгарских коллег, для которых эксперимент «Черное море-85» должен был стать проверкой собственных сил и возможностей. Вдали от берегов двум экипажам предстояло работать бок о бок. Любопытная деталь: наш «Профессор Колесников» построен в Болгарии, а болгарский «Академик» — на верфях Советского Союза...

...Сентябрьский ветер в открытом море полощет на мачте рядом с алым стягом бело-синий треугольник научного вымпела. Лежим в дрейфе.

Начальник экспедиции пытается скрыть довольную улыбку в выгоревших на солнце просоленных усах: как будто все идет по графику, составленному с учетом пожеланий коллег из братских стран, ГДР, НРБ, и ПНР. Четыре последних похода «Профессора Колесникова» — целевые «космические», то есть работы идут совместно с самолетом-лабораторией, а затем сравниваются с данными искусственных спутников Земли серий «Метеор» и «Космос». Вячеслав Урденко, специалист по дистанционному зондированию моря и атмосферы, автор многих трудов, кандидат наук, остается бессменным руководителем рейсов в Черном море по программе «Интеркосмоса». Родился он далеко отсюда, на Дальнем Востоке, окончил аспирантуру в Ленинграде, имеет полтора десятка лет экспедиционного стажа. Жена — морской биолог и тоже часто уходит в исследовательские рейсы. Их суда, бывает, встречаются в открытом море...

— Непосвященным кажется, будто гидрофизика состоит из бесконечных формул, графиков, дифференциальных уравнений.— Мой собеседник к фактам биографии больше не возвращается.— Что ж, отчасти это так. Специалисту не составляет труда определить по ним состояние моря или отдельного его участка. Измерения, которые мы делаем, формулы и уравнения, которые мы составляем, позволяют подбираться к загадкам погоды или климата. Повторю, пока что в этом гигантском потоке информации могут разобраться только специалисты. Если же поручить сбор информации автоматам на орбите, а затем на Земле с помощью ЭВМ расшифровывать, сопоставлять, анализировать данные, писать их на дисплее нормальным человеческим языком — вот это будет дело!

— Уж не собираются ли гидрофизики «отбирать хлеб» у метеорологов? — в шутку спрашиваю ученого.

— Наоборот, мы хотим помочь им! Шведы, если мне не изменяет память, присудили в прошлом году литературную премию по научной фантастике национальному бюро прогнозов. В будущем долговременные сезонные прогнозы смогут целиком составлять машины, имея «под рукой» данные с океанографических спутников. Тогда, может, меньше будут попадать в ураганные штормы и гибнуть суда. В конце концов разве плохо видеть, чист ли океан? Оригинальные приборы для «рассматривания» моря с высоты, то есть для его дистанционного зондирования, создаются в лабораториях Советского Союза, Института космических исследований АН ГДР, других стран совета

Сквозь шторм.

«Интеркосмос». Прототипы этих приборов проверяются, как правило, на черноморском научном полигоне. В этот раз они стоят на орбитальной станции «Салют-7», а также на специальном самолете-лаборатории «Ан-30». Действие эксперимента «Черное море-85» «разыгрывается» в его западной части, повторяющей как бы в миниатюре весь Мировой океан.

— Умы не одного поколения ученых занимали морские тайны. А как обстоят с ними дела сейчас?

— Тайн в Черном море ровным счетом столько, сколько их в любом другом районе океана, а вообще-то многие тайны давно перестали быть таковыми. Ученые Института биологии южных морей АН УССР в своих опытных хозяйствах близ Судака, в бухте Ласпи под Севастополем учатся выращивать в реальных условиях мидий, устриц... Чтобы биологам выйти на просторы черноморской нивы — Продовольственной программой СССР это оговорено,— необходима ее точная модель с учетом всех течений и вихрей, температур, глубин и прочих свойств воды. И мы, гидрофизики, готовы преподнести им такой подарок — практически создана математическая модель экологической системы северо-западной части Черного моря с учетом годового изменения температуры.

КОСМОС РАБОТАЕТ НА МОРЕ

...Это было несколько лет назад. Орбитальная станция «Салют» летела над океаном. Необычное зрелище привлекло космонавтов. В иллюминаторах они увидели фантастическую картинку: в океане текли, разветвлялись на сотни рукавов реки, ясно просматривались вихри, темные разводы, пятнистые течения... Не мешкая взялись за фотографирование, а когда показали на Земле снимки океанологам, те буквально ахнули!

Ныне методика получения таких снимков разработана, и ученые идут дальше — в Институте космических исследований АН ГДР совместно с советскими коллегами разработан универсальный спектрометр МКС-М, способный «насытить» обычную фотографию массой полезной информации. Но достоверна ли она? Для этого измерения с орбиты перепроверяются с корабля, каждый параметр отдельно. Если на Черное море накинуть условную сеть с ячейками шириной в несколько десятков километров, то «Профессор Колесников» как бы обходит все четыре узла ячейки. Они называются станциями. На станциях уходят в глубины батометры для взятия проб воды, определяется ее прозрачность, температура, соленость, химический состав...

Каждое утро над судном выполняет «этажерку» — летает челноком все выше и выше — начиненный электроникой самолет с бортовым номером 30030. Еще выше, в черном космосе, обратила свои «глаза» на море орбитальная научная станция «Салют-7». Экипажи самолета, станции — полноправные участники интерпрограммы «Черное море-85».

— Внимание научным отрядам! К работе с орбитальной станцией всем службам подготовиться! — звучит команда по корабельной связи. После очередной коррекции орбиты трасса «Салюта-7» проходит над Черным морем, подспутниковый эксперимент «Интеркосмоса» входит в решающую фазу.

— Станция над нами. Самолет на галсе.

— Вышли на курс. Высота — четыреста.

— Отсчет ноль!..

Мирный космос трудится на благо мирного неба. Идет деловое единение науки и производства. Закладываются основы межгосударственной системы экологического контроля.

— Эх, жаль над Балтийским морем невозможен пролет орбитальной станции,— сетуют польские ученые Адам Кренжель и Людвик Таргоньски.— Вот нынешним летом мы так и не смогли искупаться в Гданьском заливе, слишком он загрязнен, течения со стороны открытого моря заносят массу мусора... Балтийские проблемы посложнее черноморских, поэтому мы решили пройти основательную практику в экспедиции «Интеркосмоса», которую организовали советские коллеги. И рады, что вместе с нами в «Черном море-85» есть представители еще одного балтийского государства — Германской Демократической Республики.

Четверо из берлинского Института космических исследований АН ГДР заняли целиком верхнюю палубу. С помощью ребят из команды затащили наверх внушительных размеров ящики, извлекли из них десятки измерительных устройств. Ежедневно ранним утром, деловито попыхивая трубкой, появлялся наверху руководитель немецкой группы Герхард Циммерманн. Едва солнце выныривало из-за горизонта, начиналась, образно говоря, «охота» за солнечным зайчиком. Требовалось не позволить ему попасть внутрь сложнейшего оптико-электронного устройства, а значит, не помешать определить прозрачность земной атмосферы точно в момент, когда орбитальная станция, летающая лаборатория «Ан-30» и судно «Профессор Колесников» выстраивались в одну «вертикальную связку».

— С особым нетерпением ждали мы запуска космического корабля «Союз Т-14»,— говорит Герхард Циммерманн.— Появление на «Салюте-7» экспедиции посещения означает рабочую проверку спектрометра МКС-М, о котором вам уже, наверное, рассказали. Он позволяет зондировать море в очень широком диапазоне электромагнитных волн. Надеемся, космонавтам не придется обхаживать прибор, словно малое дитя, мы старались сделать его и компактным, и достаточно автономным.

* * *

К настоящему времени эксперимент «Черное море-85» стал в истории совета «Интеркосмос» важной вехой в организации крупных международных экспедиций. Время покажет, будет ли уточнена модель моря для биологов, но то, что «звонкие монеты» посыпались в копилку данных по долгосрочному метеопрогнозированию,— это точно. Предварительные итоги всех четырех черноморских экспедиций будут подведены в будущем году в Таллине, где соберется большой совет организации социалистических стран по мирному исследованию космоса. Шаг за шагом приближается день и час, когда будут развернуты космические комплексы оперативного слежения за состоянием и развитием морских экологических систем. Сначала черноморской, а затем на основе накопленного опыта — и балтийской. Действуя объединенными усилиями многих государств, уже в этом тысячелетии можно вернуть себе расположение сначала морей, а затем и океанов...

Севастополь — Варна — Москва.

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

«АМФИБИЯ», ПОБЫВАВШАЯ В КОСМОСЕ

Миллионы людей у нас и за рубежом нынче сверяют время по часам с надписью «Сделано в СССР». Достойное место среди них занимают чистопольские часы. А особенно популярны часы марки «Амфибия».

Много лет назад будущий летчик-космонавт Г. Гречко тоже купил «Амфибию». Они надежно служили ему. А в 1975 году Георгий Михайлович отправился с ними в звездный путь. Часы четко отмеряли московское время в космосе на борту корабля «Союз-17» и орбитальной станции «Салют-4».

А вскоре после возвращения из космоса Г. Гречко подарил свои часы на память тем, кто создал надежную в любых условиях «Амфибию». И теперь они среди самых дорогих реликвий музея трудовой славы предприятия.

Сотрудница музея вынула из-под стекла космическую «Амфибию» и передала мне. Я бережно взял в руки, приложил к уху. Часы четко отстукивали время.

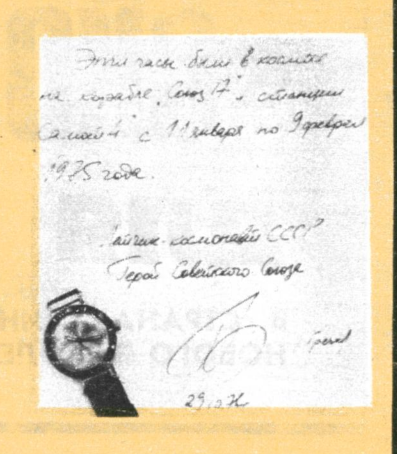
Несколько позже в лаборатории надежности завода мне показали новые поколения прекрасного семейства «Амфибии». Скоро они появятся на прилавках. Часы отличаются оригинальностью корпуса, изяществом циферблата, точностью хода.

А. ШАКИРЗЯНОВ

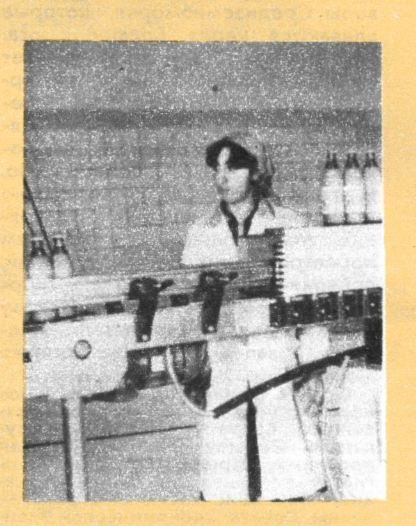
Казань.

На снимках: новые марки «Амфибии» Чистопольского завода; подарок летчика-космонавта СССР Г. Гречко часовщикам с его автографом.

Фото автора

ИЗ ЛИМОНА, ИЗ АПЕЛЬСИНА

Консервная промышленность Аджарии и прежде выпускала соки лимона, апельсина, мандарина. Да только особым спросом у покупателей они не пользовались: плоды перерабатывались вместе с кожурой, и напиток горчил.

Но теперь эти соки будут производиться по новой (к слову, безотходной) технологии. В Батуми построен завод с тремя производственными линиями. Первая из них уже угостила мандариновым, апельсиновым, лимонным соками. Горечи никакой: кожура-то отделена. Ее подсушивают и отправляют для производства витамина.

Главный инженер завода Окропир Диасамидзе рассказывает, что еще две линии дадут джемы и варенья. Будет и цех по производству концентратов. Они нужны потому, что сезон переработки цитрусовых — всего 50 дней в году. «В остальное время будем пользоваться накопленными у себя концентратами».

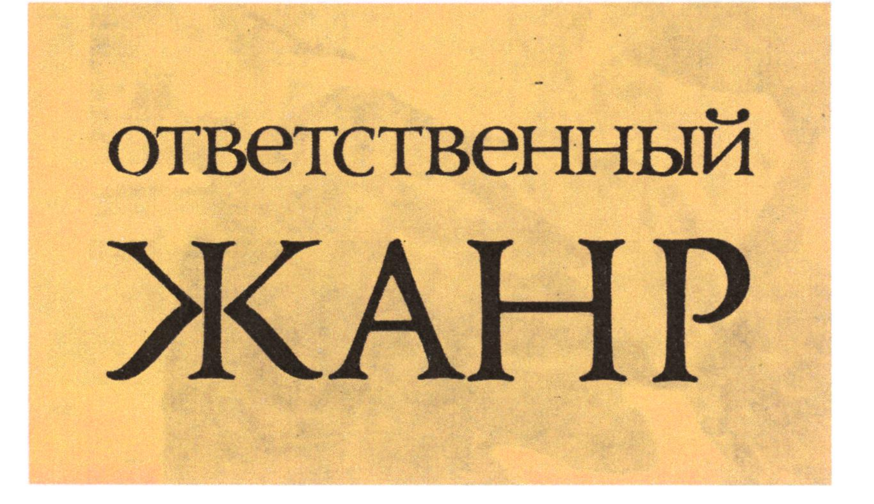
Батумский завод даст до 300 тонн продукции в сутки. Предполагается начать строительство подобного, но более мощного предприятия в Кобулети.

Все бы хорошо. Вот только внешний вид бутылок, банок, этикеток непригляден.

И. МЕСХИ,
собкор «Огонька»

Этот снимок сделан в новом цехе.

Фото А. Чангладзе

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЖАНР

Борис БРУНОВ,
народный артист РСФСР,
главный режиссер
Московского
театра эстрады

Не без гордости могу сказать: жанр сценического искусства, которому я посвятил свою жизнь, очень сложный и важный.

Первые бригады «Синяя блуза» метким словом боролись за новую жизнь. Фронтовые агитбригады делили с советскими воинами и грозные испытания, и ослепительную радость Победы.

Много нового принес на сцену и славный год ее сорокалетия. Нового не только по форме, но прежде всего по духу, по содержанию, по общественной значимости. Так родились подготовленные «Москонцертом» публицистические концерты-встречи: «Незабываемое», «Писатели о мире и войне», «Память, запорошенная снегом», «Живая память Победы», в которых приняли участие Герои Социалистического Труда С. Михалков, А. Чаковский, Герой Советского Союза В. Карпов, писатели Г. Боровик, А. Штейн, Ю. Друнина, ведущие мастера эстрады и театра. Гостями литературно-музыкальной композиции «Ты помнишь, товарищ» стали брянские партизаны — командир отряда «Спартак» Н. Орлов, комиссар С. Шепров, командир отделения разведки Ф. Аленев. Они принесли на сцену живое, волнующее дыхание грозовых лет войны, при них по-особому, проникновенно зазвучали фронтовые песни и стихи.

Юбилейный год ярче высветил наших мастеров эстрады и позволил им активнее выразить свое общественное лицо.

Группа Стаса Намина, например, подготовила программу «Песня против войны», с которой выступила на сценах концертных залов, дворцов культуры, в цехах предприятий. Все полученные от концертов средства артисты передали в Советский фонд мира.

Стремясь говорить со зрителями языком высоких мыслей и волнующих молодежь проблем, известный вокально-инструментальный ансамбль «Самоцветы» подготовил собственный эстрадный спектакль «Игра в волшебный тир». Мой коллега Олег Милявский стал автором представления «Праздник не знает границ», где рассказывается о людях искусства, сменивших в годы войны свою профессию на оружие или заводской станок.

А какими впечатляющими — не только зрительно, а и сердечно — стали представления «Сердце нашей Победы — Москва» в спорткомплексе «Олимпийский». В них приняли участие Московский симфонический оркестр под управлением народной артистки СССР Вероники Дударовой, хоровая капелла имени Юрлова, камерный хор под руководством Минина, ансамбли песни и пляски Московского военного округа и танца Сибири, сводный образцовый оркестр Министерства обороны и хор имени Пятницкого. В это монументальное музыкально-сценическое полотно превосходно вписались и наши известнейшие солисты народные артисты СССР Ирина Богачева, Кимбазар Садаев из Бурятии, камерный балет под руководством народного артиста СССР В. Гордеева, «звезды» нашей эстрады И. Кобзон, Л. Лещенко, А. Пугачева, В. Толкунова, Г. Хазанов, М. Ножкин, Л. Усач, ансамбль «Лицедеи», артисты цирка. Тем, кто выражал сомнение по поводу такого соседства жанров, мы ответили: на эстраде все жанры хороши, когда они хороши. Эти эстрадные спектакли стали этапными в творческом поиске по созданию массовых театрализованных галаконцертов.

Многое хочется назвать. И концерт артистов московских театров — участников войны, средства от которого были перечислены в фонд сооружения памятника Победы на Поклонной горе, и программу для молодежи «Помни», и грандиозные представления эстрады братских республик Украины, Белоруссии, Грузии. Они порадовали зрителей широтой замысла, многокрасочностью национального искусства, высоким мастерством и органичностью исполнения.

Настоящая эстрада воистину беспредельна в возможностях поиска, расширения сферы своего творчества и влияния на зрителей. И если представление хорошо задумано и осуществлено режиссерски, если содержание соответствует высоте идеи, то в нем займут свое достойное место и прекрасная драматическая актриса Софико Чиаурели, и Вахтанг Кикабидзе, и Тамара Гвердцители, и самодеятельный коллектив «Рустави», и эстрадный оркестр «Рэро», как это произошло в программе «Мелодии и ритмы Грузии».

Нельзя не вспомнить сегодня программы «Рожденные побеждать» В. Жака и «Весенний первый гром» В. Пасынкова.

Эстрада — искусство молодое. Молоды душой и ее ветераны, ибо молодость неотделима от жизнеутверждения, постоянного поиска, ярких форм, присущих эстраде. Но главный источник молодости эстрады — это наша творческая смена.

Помню, как в начале этого года мы у себя в театре открывали цикл «Эстрада — молодым», созданный в содружестве с Московским горкомом ВЛКСМ. В первом концерте приняли участие популярный композитор Александр Журбин, поэт Николай Добронравов, прозвучали песни в исполнении Валентины Готовцевой и Леонида Серебренникова, выступили ансамбли «Москвичка» и «Экспресс».

В концерте зрителей поджидала неожиданность. По замыслу режиссера программы Юрия Рубцова, мы пригласили принять участие в нем коллектив Общесоюзного Дома моделей одежды на Кузнецком мосту. Искусствовед Светлана Кузнецова представляла коллекцию одежды будущего года. Эффект был блестящим и развеял опасения сомневающихся в пользе такого эксперимента. Молодая аудитория была в восторге, а мы радовались, что смогли без нравоучений и скуки преподать ей предметный урок хорошего вкуса, ответить на запросы современных юношей и девушек, у которых понятия об искусстве и о том, как красиво выглядеть, очень взаимозависимы. Это давно поняли на Западе, где почти каждый кумир молодых и «состоит на довольствии» у рекламных фирм, определяя стиль не только в музыке, но и в одежде. Нам надо решать эту проблему по-нашему, по-советски, а не делать вид, что ее не существует.

Нынешние молодые люди (и в эстраде тоже!) скептически относятся к красивым словам и благим намерениям, не подкрепленным делом. Работать с ними, учить их, опираясь на одну только «теорию», трудно и не очень результативно. Они ведь буквально рвутся в бой.

В этом мы с радостью убедились, предоставив сцену творческой мастерской сатиры и юмора «Москонцерта», которой руководит Борис Поляков. Премьера называлась «Павильон смеха». Зрителям впервые была предложена программа, составленная полностью из выступлений молодых сатириков и юмористов.

За любым из этих концертов, спектаклей и представлений стоят не только вдохновение, труд, но и, если угодно, смелость их создателей.

Ведь всегда найдутся люди, которые вместо того, чтобы разобраться в том или ином начинании, проанализировать его сильные и слабые стороны, дать конструктивный совет, равнодушно скажут: «А зачем все это нужно? Живите по старым канонам, потому что мне так больше нравится». Я ничуть не преувеличиваю. Именно так выглядят позиция и тон автора статьи «Эстрада без парада» Б. Поюровского, опубликованной в одной из всеми нами уважаемых газет.

Как и всякое живое искусство, эстрада меняется, развивается, стремится идти в ногу со временем, а критик словно призывает оставаться на месте. Ну, к примеру, с его точки зрения, в театре эстрады не нужны моноспектакли известных драматических актеров, такие, как «Приятная женщина с цветком и окнами на север» в исполнении Татьяны Дорониной и «Случайный вальс», который играет Элина Быстрицкая. «...Их вполне можно было показать и в драматическом театре»,— поучают нас, отказывая тем самым эстраде в праве искать свои формы соприкосновения с драмой, обогащения новыми красками, более полного раскрытия ярких артистических индивидуальностей.

Противореча самому себе, критик сетует, что в стороне от эстрады оказались артист театра имени Моссовета Ян Арлазоров, Александр Филиппенко из театра имени Евг. Вахтангова, Вадим Ледогоров из ЦАТСА. Где же логика? Ведь и Александр Филиппенко, и Вадим Ледогоров тоже идут на эстраду не фокусы показывать или солировать в эстрадном оркестре, а вынашивают мысль о своем спектакле.

Я сам застал на эстраде то счастливое время, когда специально для нее готовили свои маленькие спектакли О. Андровская и Б. Петкер, Ф. Раневская и О. Абдулов. А Владимир Хенкин? Предложи в свое время этому блистательному мастеру сатиры с в о й спектакль в Театре эстрады — неужто он не согласился бы? Нам грешно обижаться: разработка этой формы была по достоинству оценена и зрителем, и критикой. В печати появилось немало публикаций, подоброму поддержавших поиски Театра эстрады в этом направлении.

Присвоение только в последнее время многим артистам эстрады званий народных и заслуженных, присуждение почетных премий — убедительное признание авторитета эстрады.

А как же иначе? Возьмем хотя бы разговорный жанр. Я бы назвал конферансье «впередсмотрящим». В тридцатые годы у эстрады был такой принцип: «Утром в газете — вечером в куплете». Правда, объекты сатиры были тогда мелковаты, чаще всего управдом или фининспектор. Время давно «списало» подобных персонажей за ненадобностью. Однако обязанности остро и точно реагировать на проблемы сегодняшнего дня с нас никто не снимал.

Когда раскрываешь сегодня свежую газету, буквально на каждой странице видишь темы, мишени, по которым должен стрелять конферансье: тут и разгильдяйство, и косность, и бюрократизм, и чванство, и бесхозяйственность, пьянство... Так что пожаловаться на мелкотемье мы сегодня не можем. Нас касается все. И в портфеле Театра эстрады есть новые сценарии и планы, как достойно воплотить все это на сцене.

У нас в «Москонцерте» есть прекрасный филармонический оркестр, незаурядные солисты, лауреаты международных конкурсов. С нового сезона мы намерены дважды в месяц проводить в Театре эстрады филармонические концерты, ибо духовные потребности наших зрителей, задачи, которые поставило перед нами время, дают нам для этого все основания.

Я хотел бы быть понятым правильно. То, о чем я говорю сегодня здесь, это и есть «эстрада без парада» во всей сложности решаемых ею задач, в острой нужде услышать глубокий, профессиональный, объективный анализ критика.

...Нет, я не случайно так назвал свою статью. Мы, артисты Театра эстрады, считаем себя ответственными за то, чтобы она служила людям во всю полноту своих возможностей.

SOVIET PHOTOGRAPHY OF WWII:1941-1945

SOVIET PHOTOGRAPHY OF WORLD WAR II: 1941-1945. An exhibition organized and circulated by the International Center of Photography, with the assistance of the Williams College Museum of Art; the Citizen Exchange Council, New York; the International Photo Exhibitions Committee of Moscow, and the Photography Art Society of the Lithuanian SSR.

SEPTEMBER 14-OCTOBER 21, 1985
WILLIAMS COLLEGE MUSEUM OF ART

ЗАМЕТКИ О ВЫСТАВКЕ В США СОВЕТСКИХ ФОТОЖУРНАЛИСТОВ

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, фото автора

Название этих заметок взято из книги известного американского публициста Харрисона Солсбери «Русская война: 1941—1945». В ней он отмечает «удивительную близость советских фотожурналистов к полю боя». Он пишет: «В самом деле, они были частью этого боя. Советские фотокорреспонденты снимали буквально через плечи идущих в бой солдат и нередко меняли объектив на пистолет».

Солсбери, большой друг Романа Кармена, его соавтор по известному многосерийному фильму «Великая Отечественная» (в США этот фильм шел под названием «Неизвестная война»), многократно бывал на фронтах Великой Отечественной и хорошо знал труд наших фотожурналистов.

«Вторая мировая война в советской фотографии 1941—1945» — так называлась выставка, которую организовал в США Корнелл Капа — директор Международного центра фотографии. Мое знакомство с этим известным в мире фотоискусства человеком произошло в 1983 году. В Нью-Йорке экспонировалась моя фотовыставка, и ее устроители предложили посетить Корнелла Капу и познакомиться с деятельностью центра, который он возглавляет.

Нас встретил уже немолодой, небольшого роста человек, с большой копной седых волос, бодрый, с веселыми глазами. Он встал, взял со стола большую книгу и, показывая ее мне, сказал:

— Наш центр недавно издал эту «Фотографическую энциклопедию». О вас тут тоже напечатано. Так что будем считать, что заочное знакомство превратилось в реальное.

Потом он водил нас по этажам старинного здания, расположенного на Пятой авеню Нью-Йорка. Показывал залы для экспозиции выставок, лаборатории, большую библиотеку, учебные помещения,

О. А. Трояновский и Корнелл Капа осматривают выставку.

Вопросы, вопросы, вопросы...

Один из залов выставки в Вильямстауне.

«...ОНИ БЫЛИ ЧАСТЬЮ ЭТОГО БОЯ»

рассказывал, какие выставки здесь уже были и какие будут.

Я решил предложить ему выставку наших военных фотографов и рассказал, что только что вернулся из поездки в Калифорнию, где выступал перед американцами, показывая слайды своих фотографий о войне. Был поражен интересом, который они вызывали. Я высказал мысль, что выставке, составленной из фотографий наших великолепных мастеров, успех обеспечен.

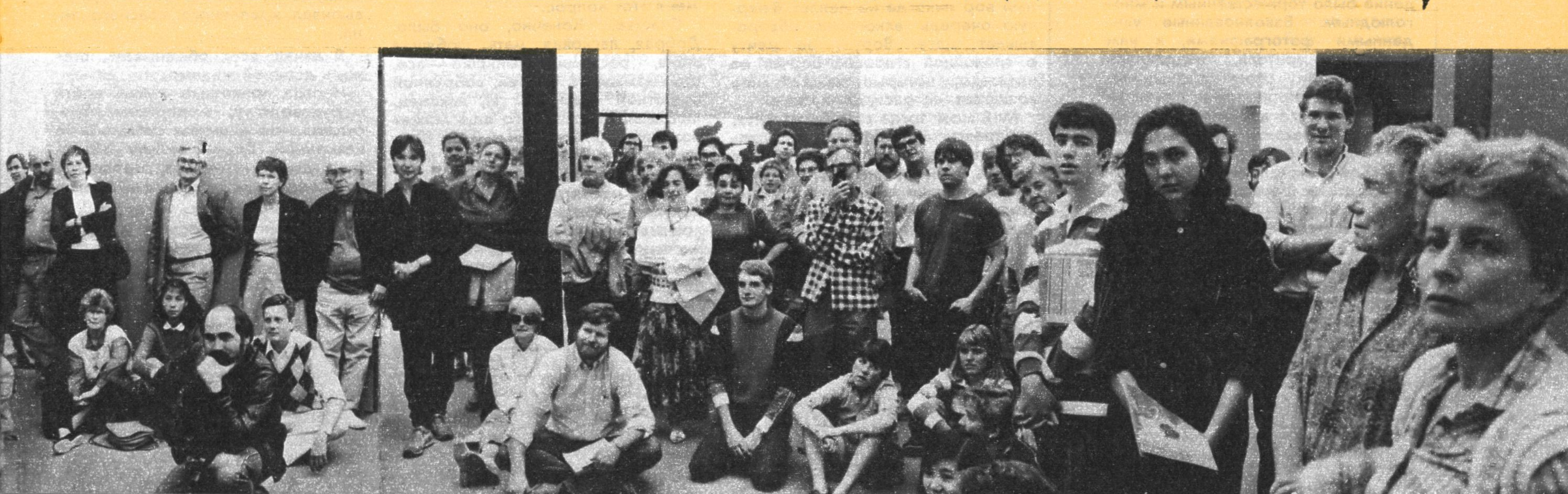
«Я подумаю, пойдемте пока обедать»,— сказал он. Позднее он сам вернулся к этому вопросу. «Что для этого я должен сделать?» — спросил он. «Написать письмо в Президиум Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами о вашем желании организовать такую выставку»,— ответил я.

Улетая в Москву с письмом Корнелла Капы, я еще не верил, что все осуществится, как было задумано...

Прошло время. Дирекция Международных выставок ССОДа закупила авторские фотографии у военных журналистов. Капа прилетел в Москву. Ему очень понравилась коллекция, и он увез ее в США.

Выставка двадцати советских военных фотокорреспондентов открылась в Нью-Йорке в год 40-летия Победы над фашизмом. Вот их имена: А. Гаранин, С. Гурарий, Г. Зельма, Ю. Каценбергас, О. Ландер, Х. Левинас, Г. Липскеров, А. Морозов, Г. Петрусов, Я. Рюмкин, М. Савин, В. Тарасевич, В. Темин, М. Трахман, А. Устинов, Е. Халдей, Я. Халип, Ю. Чернышев, И. Шагин и автор этих строк.

По предварительной договоренности выставка будет переезжать из города в город в течение двух лет. На ее торжественное закрытие в Нью-Йорке были приглашены представители из Советского

Союза. И я опять оказался в США. Моим спутником был Юрий Липодаев, руководитель Дирекции Международных выставок и панорам при ССОДе.

Корнелл Капа открыл в центре сразу две советские выставки. Он увидел книгу, изданную с помощью журнала «Советское фото» во Франции,— «Пионеры советской фотографии», и попросил прислать фотографии, которые были опубликованы в этой книге. Из них и была смонтирована экспозиция — фотографии крупнейших советских мастеров с 1917 по 1941 год.

Эти две выставки были размещены в соседних залах и стали, по существу, рассказом об истории нашей страны. Они имели большой успех.

В адрес устроителей этих выставок постоянный представитель СССР при ООН О. А. Трояновский прислал письмо, в котором отметил, что «выставка представляет большой интерес для американских зрителей. Рассказывая о второй мировой войне, в которой СССР и США были союзниками, она показывает ужасы войны и предостерегает от повторения подобной трагедии».

После торжественного закрытия выставки в Нью-Йорке ее размонтировали и увезли в Вильямстаун в штате Массачусетс, где она должна была демонстрироваться месяц.

Вильямстаун—красивый, небольшой город студентов. В здании музея искусств Вильямс-колледжа и устроили выставку. Его директор Томас Кренс, знакомый еще по Нью-Йорку, показал нам залы музея с подготовленными щитами и всеми атрибутами для создания выставки.

«Вас ждет сюрприз,— сказал Томас.— Скоро увидите...»

Это действительно был сюрприз. Музей заказал сверхувеличения некоторых работ наших мастеров, и экспозиция от этого очень выиграла.

Мы помогали развешивать фотографии, но «хозяева» не давали нам отдыхать: еще до нашего приезда был запланирован ряд встреч на разных уровнях — от учащихся до профессуры колледжа. Нет возможности в этих заметках рассказать о бесчисленных вопросах, на которые приходилось отвечать. Порой поражала полная неосведомленность о нашей жизни. Но одно радовало — почти все отрицательно относились к войне.

Открытие выставки и ее обсуждение было торжественным и многолюдным. Взволнованные увиденными фотографиями, к нам подходили зрители, поздравляли и выражали свое восхищение.

Вопросы продолжали сыпаться как из рога изобилия. Мы постарались ответить на них. Пожалуй, только один остался без ответа: «Где можно приобрести альбом с этими фотографиями?»

В Нью-Йорке и Вильямстауне были напечатаны каталоги, афиши; газеты и журналы отметили эти выставки.

Этот удачный опыт убедительно говорит о пользе таких контактов и о возможности развивать их дальше.

Н. ПАВЛОВ

ВЕРНУТЬСЯ В ЖИЗНЬ

Шли дни, а он все не появлялся и не появлялся. Прошла неделя, потом вторая, а его все не было. И я первый раз в жизни понял значение исповеди. Желание исповедаться перед умным, понимающим, а главное, желающим выслушать тебя человеком просто разрывало меня. И постепенно я начал разговаривать с ним мысленно. Сначала сбивчиво и путано. Потом стал записывать свои мысли. Конечно, все, что я писал, я знал давно. Но это, пожалуй, был первый анализ своих прежних поступков перед самим собой. И на бумаге это выглядело значительнее, весомее, чем в быту. Быт както заматывал, закручивал, не давал возможности остановиться, задуматься, преподносил новую рюмку и вертел в калейдоскопе пьяного «чертова колеса».

Я писал, никого не стесняясь, как пишут дневник, для одного себя. И все с более ясной отчетливостью приходил к выводу, что я не только хронический алкоголик, но и хронический, если можно так сказать, вор.

Да, вор-то может и не быть алкоголиком. Но уж алкоголик-то всегда к тому же и вор. Он обворовывает всех и подряд. И в первую очередь самых близких ему людей, чего настоящий, привычный вор никогда не делает. В первую очередь алкоголик обворовывает мать. Ворует ее мечту о спокойной старости. Ворует ее надежды, которые каждая мать возлагает на растущего сына.

Мой мозг тогда еще барахтался, выбираясь из цепких пут алкогольного дурмана, я еще не мог сказать, где именно я это прочитал, но помнил точно фразу о том, что выпитое сыном пропорционально слезам, пролитым матерью.

У жены алкоголик ворует супружескую верность. Это я тогда думал, что со Светкой у меня все было случайно и я попал в сети, расставленные ловкой женщиной. Теперь-то я точно знаю, что к пьющему и теряющему над собой контроль обязательно придет другая женщина. Будет ли это стечением случайных обстоятельств, проявлением ли чисто женского участия или жаждой мужской ласки, обоюдное опьянение или безысходность — назвать это можно как угодно, но другая женщина — не жена — непременно войдет в жизнь пьяницы.

И у детей своих алкоголик ворует самое дорогое, что у них есть,— их детство.

Мне самому стало страшно оттого, что я написал, и я пошел в курилку просить у кого-нибудь окурок, так как не было у меня тогда ни копейки, а бесплатной махорки, как известно, в алкогольных больницах не выдают.

Потом я вернулся и крупными буквами написал: «ПРОФЕССОР НЕ ПРАВ». Никакой отдельной дороги у алкоголика нет. Все они идут одной дорогой, выбираясь на нее своей собственной тропкой. А дальше все как у всех — одна дорога воровства и преступлений. Больших или малых, но преступлений.

И финал один — смерть или решетка. А вот восприятие этого финала у каждого свое. Это верно. И статьи Уголовного кодекса, которые рано или поздно получают алкоголики, тоже разные.

...На много лет назад отбросил меня этот вопрос.

Счастье... Конечно, оно было. Добрая, ласковая мать, любящая жена, растущий сынишка — все, что называется семьей, собранной в уютной квартире. И, наконец, любимая работа. Чего еще может пожелать для своего счастья нормальный человек? А ведь у меня все складывалось именно так.

Тогда, после защиты диплома, я получил направление в один из головных научно-исследовательских институтов столицы. Я вошел в дружный коллектив подотдела, работающего над новыми проблемами электросварки. Иногда по вечерам всей группой заходили в кафе выпить по рюмочке. Мы сдвигали два-три столика, и даже в час отдыха продолжались разговоры на темы, наполнявшие нашу жизнь.

Меня считали хорошим, но «заводным» парнем. Там, где друзья выпивали по рюмочке, я успевал по три. И если в их посуде плескался жиденький портвейн или кисленькое сухое, в моей матово поблескивал обжигающий коньяк. Когда мы расходились, я наскоро прощался с друзьями неподалеку от кафе, смотрел, когда они скрывались за первым углом, и возвращался, чтобы добавить.

Мне всегда казалось мало. Ведь я был «заводной». Потом я не торопился идти домой. Я «берег» своих родных. Мне не хотелось, чтобы они заметили мое опьянение. Иногда в такие вечера звонил Светлане. И чаще всего попадал к ней. Здесь меня не ругали за то, что я выпил. Не раздражались и не читали нотаций. И даже по-хорошему не упрашивали, чтобы я больше не пил.

Домой пробирался как вор. И приходил, когда Анюта уже спала. Но самое удивительное, что я еще к тому времени не окончательно потерял совесть. По утрам меня грызло раскаяние, на душе было омерзительно. В институт являлся мрачным, уединялся за своим столом или удалялся в лабораторию. Хотел забыться в работе. Но организм уже требовал похмелки, и часов в 11—12 я выбегал на улицу, в «Вино — воды», и выпивал крепленого красного вина.

Я начал всех обманывать, стал жить двойной жизнью.

Иногда приходила мысль пойти к руководству, в партком. Рассказать, что начинаю скользить по наклонной. Все начистоту объяснить дома, покаяться, попросить прощения и начать жизнь заново, честно и чисто...

Но у меня не хватало духу, не хватало силы. Я трусил.

Где-то я читал, что подлец не всегда трус. Но трус — всегда подлец. Мой пример подтверждал это. И я продолжал лгать.

Продолжение. Начало в № 48.

Ложь... Я знаю, что это такое. Ложь — самое большое зло и самый бездушный на свете убийца. Можно ли себе представить любовь или дружбу, основанную на лжи? Ложь — самый большой, самый злой разрушитель. Но ведь выпивка и ложь — неразлучные спутницы. Поэтому все у меня гибло и все разваливалось.

Мы, право, бываем чудаками, когда думаем, что никто не видит нашего помятого лица, никто не замечает покрасневших, бегающих глаз, пытаемся «дышать в себя», чтобы не обнаружить запах перегара. Жалкие потуги. Человека с похмелья можно узнать даже по спине. Он какой-то пришибленный и униженный.

Боролся ли за меня коллектив? По-своему, да. И друзья со мной много раз говорили. И предупреждали, что начальство уже косо на меня смотрит, что плохо кончу.

Помню, однажды, когда на душе очень уж плохо было с похмелья, вызвал меня к себе начальник отдела. Это был мягкий и добрый человек, воспитанный и застенчивый. Пригласив сесть, он долго и мучительно ходил вокруг да около, пока наконец, конфузясь, не спросил:

— Скажите, Николай Демьянович, это правду говорят, что вы часто выпиваете? Может, у вас дома неприятности? Может, помочь чем надо?

Я был зол. Мне бы ухватиться за протянутую руку. А я схамил:

— А если неприятности в доме, то, по-вашему, нужно обязательно напиваться?

Шеф растерялся. Вместо того, чтобы оборвать меня, он начал оправдываться:

— По-моему? Разве я говорю, что в таком случае надо пить? Вы не так меня поняли...

Он был мягкий человек. И умный. И, конечно, понял, что я не только выпивоха, но еще и нахал.

А еще через несколько дней произошло событие, поставившее меня в разряд людей второго сорта. До этого я еще не очень ощущал, что алкоголик — личность неполноценная. Я все же работал, вносил иногда ценные предложения, спорил на собраниях, не замечая подчас, что во взглядах слушающих нет-нет да и промелькнет пренебрежение: «Ну что, мол, с него сегодня спрашивать. Ведь нездоров...»

А в тот день на производственном собрании это проявилось отчетливо и ясно.

Я не дружил с нашим замом, человеком, по моему мнению, пустым, далеким от науки карьеристом. В тот день он делал доклад. Я знал об этом заранее и готовился выступить в прениях.

Был я трезв. Но перед собранием вышел и выпил стакан вина. Говорил я дельно и правильно, но слишком резко покритиковал докладчика, расширил тему. В моем выступлении проскользнула мысль, что ошибки нашего зама не случайны. Что тяжело ему руководить таким подотделом... Когда сел, шеф в полной тишине спросил докладчика:

— Что можете ответить на критику Николая Демьяновича?

Докладчик встал и, пригладив волосы, долго стоял молча, как бы обдумывая ответ. Наконец, сказал:

— Что можно возразить человеку, находящемуся в состоянии похмелья? Я не считаю нужным отвечать Николаю Демьяновичу сегодня...

Удар был запрещенным. Я не стал дожидаться, когда шеф потушит вспыхнувшую от возмущения аудиторию, и покинул собрание.

На следующий день подал заявление об уходе, администрация меня не задерживала. Я не очень горевал, но урок был жестоким.

Светлана, у которой я переживал свое падение, рассудила коротко:

— Пока сам по горло в дерьме, не чирикай!

На новой работе, куда вскоре поступил, я уже «не чирикал», просто делал свое дело. А оно было для меня нетрудное.

Эта организация занималась внедрением новых методов сварки на различных объектах. Приходилось ездить в командировки в разные уголки страны.

Знал я уже в то время немало. И помощь производству мог оказать заметную. Главное, я был опытным сварщиком и при необходимости мог не только объяснить, но и взять в руки резак.

Интересная это была работа. И доходная. По окончании командировки начальник объекта всегда выписывал нам премиальные. А если прибавить к этому постоянный оклад, суточные, квартирные и командировочные — получалось совсем неплохо.

Только не держались у меня деньги. Закончив дела, мы просили начальство отметить нам командировочные не днем окончания работы, а дать два-три дня на отдых. Нам шли навстречу, и в этом не было никаких нарушений. Ведь рабочий день у нас ненормированный. Иногда при необходимости прихватывали и по вечерам и по две смены выходили.

Друзья мои отдыхали по-настоящему. Я же предпочитал знакомиться с местными ресторанами. Приезжал домой, конечно, без подарков и без денег. А потом даже и без тех вещей, которые брал с собой в командировку. Вместо хорошего пальто на мне оказывался поношенный плащ, вместо пиджака — потрепанная куртка, вместо ботинок — рваные резиновые сапоги.

Что было дома? А что может быть в таких случаях? И слезы были, и просьбы. Тяжелые ссоры и уговоры. Все было. А больше всего — моих клятв, что это в последний раз.

Но Анюта не бросила меня и после того, как я был снова уволен. Хотя отношения наши становились какими-то странными и непонятными. Фактически она перебралась в большую комнату, там жили мать и Вовка. Виделись мы в эту пору мало, и интересы наши все более и более расходились. Мне уже неинтересно было идти с Анютой и Вовкой в кино. А когда жена заводила разговор о театре, я лишь отмахивался. Я не возражал, что Анюта без меня идет на стадион, в театр или в свой любимый зал Чайковского. Я в эти часы «гадал» где-нибудь «на троих»... И все же Анюта меня не бросила в той беде.

Однажды я сидел в своей комнате, размышляя, как жить дальше, куда устроиться, и вдруг услышал звуки пианино. Давно уже в нашей квартире не звучала музыка, давно Анюта не садилась за инструмент.

Взяв несколько аккордов, она перешла на знакомый мотив — это была любимая песенка ее отца. Он воевал, был тяжело ранен. Спасла его медсестра. Он говорил, что звали ее Анютой. Так это или нет, но песенку об Анюте он напевал часто, особенно когда ему грустилось. Слова в ней были немудреные.

Голос Анюты звучал сначала задушевно и печально.

Мне часами казались минуты,
Шел по-прежнему яростный бой.
Медсестра, дорогая Анюта,
Подползла, прошептала: «Живой...»

Поднимись, погляди на Анюту,
Докажи, что ты парень-герой.
Не сдавайся ты смертушке лютой,
Мы над ней посмеемся с тобой...

...Пианино неожиданно смолкло, и я услышал рыдания. Через секунду Анюта открыла дверь в мою комнату. Такой я ее запомнил на всю жизнь. Она никогда еще не была такой красивой. Она крепко обняла меня, замерла и сказала:

— Что же ты все молчишь? Выправимся. Ты только возьми себя в руки. Ты же сильный. Ты можешь. Ну, не ради меня, так ради сына, ради матери. Ведь она слабее всех... Первая не выдержит...

...В ту ночь мы почти не спали и проговорили чуть ли не до рассвета. Было решено идти мне на стройку сварщиком. Работа на воздухе, тяжелый физический и вместе с тем четко нормированный труд, рабочий коллектив — все это должно было мне помочь вырваться из болота, в которое я сам завел себя.

В отделе кадров строительно-монтажного управления, куда я пришел устраиваться, несколько удивились, когда узнали, что я дипломированный инженер, проработавший до этого много лет в научных учреждениях.

— Чем же вызвано ваше решение пойти на стройку рядовым сварщиком? — спросили меня.

— Хочу переменить обстановку. Устал. Да и личная практика никогда еще не мешала ни одному научному работнику.

Я соврал еще раз. И, как всегда, ложь разрушила все.

Потом мне стало известно, что, когда из отдела кадров позвонили на мою прежнюю работу, там ответили:

— Способный очень, но выпивает.

Здесь поняли по-своему: «Способный, но очень выпивает». В отделе кадров это сообщение не удержалось и вышло на стройку еще чуть измененным: «Способный выпивоха». Так, не начав еще по-настоящему работать, я уже получил эту звонкую кличку.

Почему так вышло, я не знаю. Но факт остается фактом.

Я разозлился и замкнулся. Две недели работал напряженно, и бригадир наш, Володя Смагин, вынужден был каждый день признавать мою работу отличной. Но от всех попыток ребят завязать со мной дружбу я отгораживался стеной молчания.

— Ты чего такой молчальник? — по-товарищески как-то обратился ко мне Володя.

— Я не «ты», я «вы», — отрезал я. — Мой разговор — отличная работа. Вопросы есть?

Люди не прощают надменной кичливости и дутого превосходства. Слышал, как ползли за спиной слушки:

— Долго не протянет. Хитрит, но на то и «способный выпивоха»... Сорвется.

А я решил не срываться. И первую получку всю до копейки понес домой. Понес, но не донес. По дороге меня стали одолевать соблазны. Зашел в гастроном и, чтобы оправдать покупку своего пол-литра, приобрел домашним много вкусных вещей. Де мол, всем по подарку. Потом меня осенила мысль: «Ведь мне не дадут выпить дома всю бутылку. Отберут». Я купил еще четвертинку и спрятал ее отдельно, в боковой карман пиджака.

По тому, как тревожно встретили меня дома, понял, какое волнение царило здесь до моего прихода.

— Ну зачем же водка-то, Коля? — спросила жена, разбирая покупки. — Неужели...

— Так ведь в дом, Анюта. Рядом с тобой. На вас, жен, не угодишь, — притворно обижался я. — То говорите, лучше в доме выпить, то...

— Ладно, хватит вам, — вмешалась мать. — В доме — не на улице... И мне рюмочку с первой получки...

Пока домашние готовили стол, я зашел в свою комнату и спрятал запасенную четвертинку за диван.

За столом мать взяла себе самую большую рюмку. Я понял ее хитрость — чтобы мне меньше досталось. Рассмеялся, поменялся рюмками, сказал, что много пить не буду. Было по-семейному весело и дружно. Когда же в бутылке осталось чуть меньше половины, она чудом улетучилась со стола, и на мой вопросительный взгляд Анюта ответила:

— Хватит, Коля. Ты уж половину выпил.

«Наивные женщины», — подумал я. Они не знали, что и в той четвертинке, которую я спрятал, оставался уже лишь глоток на утреннюю похмелку. Но и он не дождался утра.

Утром еле встал. Уходил, когда еще все спали. Взял на кухонном столе целковый, приготовленный Анютой мне на обед. С той мелочью, что осталась в кармане после вчерашних покупок, собралось около двух с полтиной.

Голова шумела. Но чего со мной раньше никогда еще не бывало — дрожали руки. Я тер их, сжимал в кулаки, опускал вниз, чтобы прилила кровь, поднимал вверх, чтобы она отлила, но стоило распрямить пальцы горизонтально — их била дрожь. Как же резак держать? Ведь запорю... А предстояла работа, как назло, точная и ответственная.

По дороге решил «строить» — выпить стакан водки. Первую бутылку мы распили за углом. Показалось мало. Со второй пошли на заброшенный стадион и там, расположившись на травке, пили не спеша. Я знал, что опаздываю. Но чувствовал, что не могу идти на работу в таком виде.

Дальше следовали какие-то провалы и редкие проблески в них. Помню, как с новыми друзьями продавали мои часы, потом чей-то пиджак. На второй день «загудел» мой плащ...

Приходил в себя на полу чьей-то чужой кухни, в ободранной комнате подготовленного к сносу барака. И наконец, открыл глаза в вытрезвителе. Видимо, с кем-то дрался. Левый глаз запух совсем. На правой щеке — царапины от женских ногтей...

...Возвращение домой — дорога на Голгофу. Я еще никогда не видел мать в таком виде. Она дро-

жала с головы до ног, говорила что-то несвязное. И плакала от горя. И радовалась, что я оказался живой. Трое суток они с Анютой звонили по милициям, моргам и больницам.

— Ты только не расстраивайся.— Мать подала мне конверт.— Я просила, но...

Уткнувшись в передник, мать зарыдала.

«...Я люблю тебя,— писала Анюта в этом прощальном письме.— Я вернусь к тебе по первому твоему зову, когда бросишь пить. Ты ведешь себя, как преступник. Ты убиваешь себя, свою мать. Я, видимо, для тебя ничего не значу. Но я не могу позволить тебе калечить жизнь нашего сына. Своим пьянством ты убьешь и Володьку. Если не физически, то нравственно. Этого я не допущу.

Брось пить. Встань на ноги. Позови!

Анюта».

Анюта, Анюта... Даже своим уходом она протягивала мне руку помощи.

* * *

Я не позвал. Не потому, что не хотел. Не мог.

Наклонная плоскость — вещь страшная. Чем дальше по ней скользишь, тем быстрее и стремительнее твое падение. Я все глубже и глубже падал в пропасть алкоголизма. В пропасть, у которой нет дна!

Ко всему прочему, в эту пору в мою жизнь вошло страшное понятие — одиночество, неизбежное состояние каждого пьяницы. Ведь случайные собутыльники, так же как и попутные женщины, еще никогда и никому не становились друзьями. Теперь-то я знаю, что из всех бед человечества самая страшная — одиночество среди людей.

Я был одинок даже в самом шумном и суетном месте Москвы, там, где я, бывало, любил стоять, наблюдая темп жизни и заражаясь им,— на перекрестке улицы Горького и Садового кольца. Я стоял один. Меня никто не ждал и не встречал здесь, так же как и нигде в другом месте на всем белом свете...

Не ждала меня больше и мать. Мать, которая ждет всегда, даже тогда, когда ждать уже некого... Последнее время она болела гипертонией, не могла одна выйти из дома, и я должен был сходить хотя бы в магазин, чтобы принести ей что-нибудь поесть. А со мной бывало и так, что, уходя в магазин на минуту, я пропадал надолго и возвращался пьяный и без денег, и без еды. Бывало и так...

— Может, вы не хотите говорить об этом периоде жизни? Вам трудно?

Да, я не хотел рассказывать об этом.

Профессор пододвинул мне стакан крепко заваренного чая, бросил в него сразу два кусочка лимона.

— Я не настаиваю. Человек имеет право на тайны.

— Нет, Александр Шалвович. Не нужно мне этих тайн. Я расскажу все. Только не думайте, что это какое-то самоуничижение, как вы сказали. Нет. Если человек имеет право на тайны, то он имеет такое же право и на откровенность. Конечно, об этом можно и промолчать. Только не будет тогда между нами искренности. А я теперь знаю точно, что между двумя людьми может быть только одно из двух: либо честная искренность, либо обман. Половина правды — та же самая ложь. Уж лучше горькая, но правда...

...Да, это была темная, самая черная полоса моей жизни. Я мыкался тогда по разным работам. Где и в качестве кого я только не подвизался! Работал экспедитором почтового вагона. Служил электриком в жэке. Был даже сторожем на дровяном складе.

А когда мать забрали в больницу, работал в столовой. Разнорабочим.

Кто-то умно придумал это слово вместо «чернорабочего». И верно, что это за «черная» работа? Нет такой. Каждый труд радостен и светел. И в своем процессе, и в своей сути. А моя работа была еще и приятна по результату. По крайней мере я всегда был сыт. А все заработанное шло тогда на выпивку. И не только мой могучий оклад в семьдесят рублей. Я успевал подработать и на подноске вещей у мебельных магазинов, и на очистке снега с крыш в дни больших снегопадов.

Но основной мой побочный заработок в то время составляли бутылки. Я собирал их под столиками в столовой, где, несмотря на строгую этикетку «Приносить с собой и распивать спиртные напитки категорически воспрещается», всегда появлялась опорожненная посуда.

Правда, на этой основе у меня была лютая вражда с уборщицей столовой тетей Нюшей, претендовавшей на весь доход от пустой посуды, но я был сильнее и проворнее этой неуклюжей пожилой женщины.

Мать забрали без меня. У нее хватило сил превозмочь очередной приступ, позвонить по телефону и заранее открыть дверь врачу. «Скорая помощь» застала ее уже без сознания.

По дороге с ней случился удар, и в больницу она поступила уже парализованная. Отнялся язык, не действовала вся правая половина тела.

Увезли ее в пятницу. Я же домой заявился только вечером в понедельник. Узнал обо всем из записки врача, оставленной на столе. Здесь же лежал конверт и от матери. Это было своеобразное завещание. Я помню его наизусть...

«Я чувствую, что приходит мой конец. Не сегодня-завтра ты останешься один. У нас в России последняя воля умирающего исполняется обязательно. Я заклинаю тебя в этот свой смертный час, умоляю тебя как мать — перестань пить.

Только об одном и прошу. Все. Люблю и целую тебя.

Твоя мама»...

И вторая бумажка выпала из конверта. Это была доверенность на получение материнской пенсии. Она тоже была подготовлена заблаговременно и заверена печатью домоуправления. Мне лишь оставалось поставить дату.

Немногие, наверное, в жизни испытывали такие потрясения. Легко сказать: читать завещание еще живого человека, где каждое слово, каждая буковка проникнута любовью к тому, кто отбирал последнюю надежду на выздоровление, кто вел больного к преждевременной могиле.

Утром следующего дня я был в больнице. Мать лежала неподвижно на широкой просторной кровати — мертвец с живыми глазами. Но эти глаза на человеческой маске лица смотрели на меня жадно, неотрывно, как бы пытались запомнить навсегда то, что видели.

Пробыл я в палате несколько часов. Когда собрался уходить, мать забеспокоилась, замычала. Я дал ей в левую руку карандаш, и после долгих и мучительных усилий на листочке бумаги появились разбросанные буквы-каракули: «Приходи чаще. Буду ждать!»

Это тоже у меня в памяти навечно. Особенно восклицательный знак в конце фразы.

Болела мать долго, несколько месяцев. Сначала я ходил довольно часто. Потом все реже и реже. А она ждала. Особенно в дни моих получек и в дни выдачи ее пенсии. Особенно в выходные дни, когда ко всем приходили посетители.

Именно в эти дни я и не бывал. Разве я нарочно это делал? Нет! Я заранее готовился к посещению больницы. Стирал и гладил рубашку, обновлял свой истрепанный костюм, иногда покупал вкусные вещи.

Потом, когда все было готово, я позволял себе выпить стаканчик. Шел в недалекий магазин и выпивал на троих. «Почему же всем можно, а мне нельзя?» — думал я.

Но все, даже из тех, кто пил на троих в субботний вечер, опорожнив стаканчик, спешили домой. Мне же казалось мало. «Ну, еще один, и все»,— уговаривал я себя. И снова кружил у подъезда, искал собутыльника.

Потом в голову приходила спасительная мысль: «К утру просплюсь»,— и я продолжал.

Просыпался, как правило, у себя дома с кем-нибудь. Или с очередным собутыльником, чаще с очередной «дамой сердца». Среди объедков из тех вкусных вещей, которые я готовил для матери накануне, валялись пустые бутылки.

Я выгонял гостя, лихорадочно искал выход из положения и находил его... в магазине. Выпивая на похмелку очередной стакан, думал и клялся: «Во вторник обязательно пойду. Разобьюсь в лепешку, но обязательно достану денег и пойду к матери».

В понедельник я бывал сам не свой. Появлялась необычайная хитрость, изворотливость, находчивость. Искал денег. Приставал к сослуживцам с ножом к горлу, выклянчивал именем матери, вымогал. И находил.

А найдя, расслабленный и разбитый, измученный совестью и поисками, обессиленный водкой и голодом, я позволял себе выпить стаканчик. Для подкрепления. «Только один»...

Однажды после долгого перерыва я все же пришел к матери. На ее постели лежала другая женщина. Такая же, как и у матери, мертвая маска лица. Но совсем мне чужая.

— Она вас так долго ждала,— донесся, как сквозь вату, голос сестры.— Всю последнюю неделю смотрела на дверь, глаз не отрывала...

Первый раз в жизни я потерял сознание...

...Мать хоронил один. Даже видавшие виды работники крематория с удивлением смотрели на мою одинокую фигуру у гроба, на убогий наряд матери. Конечно, здесь никто не знал, что даже о своих похоронах мать тоже позаботилась сама. Когда ее забрали в больницу и раздели, на ленточке, повешенной на шее, обнаружили небольшой мешочек. В больнице сохранили его и выдали мне содержимое после смерти матери. Там были золотые часы — мой подарок, обручальное кольцо, старинные серьги — давний отцовский сувенир.

Я продал все это. И вот теперь хоронил мать. У меня кружилась голова, и, чтобы не упасть, я держался за край гроба.

И поминки организовал для себя одного. Да мне и некого было позвать, чтобы разделить горе.

Я пил один, и перед воспаленным взором вставало огромное материнское сердце. Оно было большим и добрым. А я все нес и нес туда все свои печали и беды, все горечи и несчастья. И какое бы оно ни было всеобъемлющее, это материнское сердце, оно не выдержало.

С тех пор я начал пить в одиночку. Мне не нужны ни болтливые приятели, ни податливые, безотказные собутыльницы. Ушла даже и та иллюзорная видимость дружбы, которая минутно создается в пьющей компании.

Я был не нужен никому. И никто не нужен был мне. Черное одиночество замкнулось вокруг меня плотным кольцом.

* * *

...В нашей больнице (она и состояла-то из одного отделения — шесть палат по десять коек) большие перемены. Главным врачом по совместительству с его основной работой назначен Александр Шалвович.

Менялись врачи — менялся и контингент. Впервые в этом отделении появились «добровольцы». То есть те, кто сам, без всякого понуждения просился и добивался.

Сначала их было только трое. Потом семеро. Потом шестнадцать. Как-то невольно я попал в их компанию и был этому очень рад. Здесь были другие разговоры, другие потребности, другие мечты.

Александр Шалвович работал с ними почти каждый день. И уводил к себе в кабинет то одного, то другого, как мы говорили, на «исповедь».

Чайник по-прежнему пыхтел у него в кабинете, и по-прежнему пил он сразу из двух стаканов. Но появилась здесь и интересная новинка. Это был большой напольный магнитофон типа дачного холодильника, на который при каждой беседе профессор ставил новую пленку.

Он не выслушивал всех до конца. Он как-то умел прервать на каком-то особом месте и перенести разговор «на потом», как бы давая больному неделю-другую подумать о всем сказанном, покопаться в себе. А потом неожиданно вызывал и продолжал неоконченный разговор.

Так вновь дошла и моя очередь. Профессор поставил пленку, и я впервые услышал свой голос, записанный на магнитофонной ленте.

«Я был не нужен никому. И никто не нужен был мне... Черное одиночество замкнулось вокруг меня плотным кольцом...»

— Неужели у вас не было ни одного человека, которого можно было бы позвать на помощь в эту трудную минуту?

— Во-первых, я не звал. Во-вторых, одиночество так потому и называется, что позвать некого. А в-третьих, он пришел сам, этот человек, который протянул руку помощи.

— Жена ваша? Анюта?

— Нет. Человек, которого я не любил. На которого всегда смотрел косо. Это был Виктор. Я упоминал о нем в начале рассказа. Упоминал плохо. А он один-единственный пришел ко мне. Это был мне еще один урок: не делай о людях поспешных выводов.

Окончание следует.

Хосе Клементе Ороско. БЕЛЫЙ ДОМ. 1922.

Хосе Клементе Ороско. ОКОП. Фреска. 1922—1924.

ЖЕНЕВА: ПРОБЛЕМЫ И НАДЕЖДЫ

Начало см. на стр. 6.

произойдет новый виток гонки вооружений. Вооружаясь дальше, милитаризуя космос, никакой безопасности не обеспечишь. Ее можно гарантировать только разоружением.

Могут найтись оппоненты, которые скажут, что я слушал в Женеве сторонников одной точки зрения, ученых-пацифистов, далеких от жизни и политики. На это можно ответить тем, что многие весьма прагматичные деятели в США и других западных странах выступают против милитаризации космоса. По мнению бывшего американского министра Р. Кларка, это «самая опасная и дорогостоящая военная программа в истории». То же самое утверждают 1600 крупнейших американских ученых. Бывший министр обороны США Р. Макнамара и бывший глава делегации США на переговорах ОСВ-1 Дж. Смит совсем недавно резко выступили против этой затеи. Ее реализация, утверждает Макнамара, преследует цель создания потенциала первого удара.

В дни женевской встречи по Соединенным Штатам прокатились волны демонстраций против милитаризации космоса. Их организовала широкая коалиция антивоенных групп, которая выступает с лозунгом «Остановить инициативу «звездных войн». Несмотря на то, что эта «инициатива» усиленно рекламируется в Америке, большинство американцев против милитаризации космоса. Опрос, проведенный в США газетой «Вашингтон пост» и телекомпанией Эн-би-си, показал, что 74 процента опрошенных предпочитают, чтобы Соединенные Штаты не создавали космическое оружие, а договорились с Советским Союзом о сокращении ядерных вооружений. Известно также, что «любезное» приглашение Вашингтона принять участие в милитаризации космоса уже не приняли Франция, Дания, Греция, Австралия, Канада...

ТОРПЕДА ПРОШЛА МИМО

Что еще активно обсуждали в Женеве окружавшие меня журналисты со всего света? Пожалуй, письмо Рейгану министра обороны США К. Уайнбергера. Этот, как его называют, «ястреб из ястребов» в самый канун женевской встречи предпринял попытку торпедировать ее. Кстати, он не был в составе американской делегации в Женеве, но решил, видно, и без этого сыграть решающую роль во встрече, то есть сорвать ее. В своем письме К. Уайнбергер рекомендует президенту США фактически отказаться от любых акций по разоружению, в том числе и от Договора ОСВ-2, и не идти на уступки в отношении программы «звездных войн». Не было бы скандала, если бы это письмо просто перекочевало со стола Уайнбергера на стол Рейгана, но почему-то оно попало на страницы газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост». Запахло явной провокацией. Это была не случайная утечка конфиденциальной информации, а злонамеренный трюк, направленный на срыв женевских переговоров. Реакционные милитаристские силы в США, прежде всего военно-промышленный комплекс, тем самым лишний раз давали понять президенту и мировой общественности, что они полны решимости и дальше продолжать свою линию. Вот как расшифровал подоплеку этого дела корреспондент американской телекомпании Си-би-эс при Белом доме: «Что касается причин того, почему это письмо было предано огласке, то просто кто-то хочет дать знать, что сторонники жесткой линии существуют и что они против контроля над вооружениями». Французская газета «Юманите» уточняет: «Публикация этого документа фактически представляет собой своего рода маневр, который призван убедить общественность в том, что президент Соединенных Штатов не может по своему усмотрению вести переговоры в Женеве».

Да, в неловкое положение попали американцы из-за этого письма. «Вашингтон пост» назвала сей факт «конфузным». Помощник президента по национальной безопасности Р. Макфарлейн охарактеризовал его как «неудачный», а Л. Спикс, информировавший всех корреспондентов от имени американской делегации, не без горечи заявил, что «президент предпочел бы прочесть это письмо в своем Овальном кабинете, а не на страницах газеты».

Случай этот вызвал и известную разноголосицу в близких к Рейгану кругах. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» передал из Женевы: «Создается впечатление, что Рейган все еще не решил, к кому он должен прислушаться из числа своих по-разному мыслящих советников, причем по важнейшим вопросам. Об этом говорит не только случай с письмом Уайнбергера, но также и продолжавшиеся всю ночь споры среди его приближенных по поводу текста совместного советско-американского заявления».

Американский военно-промышленный комплекс явно недоволен женевской встречей. Ведь он давно привык к другому течению дел. В еженедельнике «Нью-Йоркер» известный политический деятель Дж. Кеннан пишет: «Несмотря на тот факт, что в отношениях между СССР и США нет ни одной политической проблемы, которая могла бы послужить основанием для войны между ними, подготовка, материальная и психологическая, к такой войне стала глубоко укоренившейся традицией не только для наших вооруженных сил, но и для значительной части нашего гражданского общества... В сотнях документов, ежедневно обрабатываемых в Пентагоне, Советский Союз фигурирует как противник. Потенциал американских сил неизменно характеризуется с той точки зрения, на что они способны в противоборстве с советскими силами в войне. Неужели кто-нибудь думает, что движущая сила такой военной лихорадки не оказывает решающего воздействия на политику?» В этом плане весьма характерно и высказывание газеты «Крисчен сайенс монитор», которая утверждает, что, раздувая гонку вооружений, «американские ястребы рассчитывают сделать Кремль банкротом и быть всегда впереди Советов».

На пресс-конференции в Женеве М. С. Горбачев сказал:

«Я пытался в откровенной, прямой беседе объяснить Президенту, что, как мне кажется, многое в американской политике в отношении Советского Союза построено на заблуждениях. С одной стороны, надеются, что гонка вооружений, ее продолжение измотает экономически Советский Союз, ослабит его влияние в мире и тем самым развяжет руки Соединенным Штатам Америки. История посрамила этих пророков. И это в то время, когда наше общество располагало иным, чем сегодняшний, потенциалом и меньшими возможностями. Теперь мы располагаем огромными возможностями. И заблуждения на наш счет только мешают проведению реалистичной политики».

Именно проведению такой реалистичной политики кое-кто пытался помешать, пуская в ход письмо Уайнбергера. На сей раз торпеда прошла мимо цели...

ДЕЛО КАЖДОГО

Можно смело сказать, что в женевской встрече участвовали посланцы многих миллионов людей. Каждая встреча с ними производила огромное впечатление. Строгие, а порой и жесткие формулировки официальных переговоров обретали живую плоть и кровь в словах и делах сторонников мира, прибывших в Женеву со всех континентов.

М. С. Горбачев принял делегацию американских сторонников мира. Участник этой встречи, видный деятель демократической партии США Дж. Джексон заявил: «Две трети американцев поддерживают советское предложение о прекращении любых ядерных взрывов. Мы здесь выступаем за то, чтобы США ответили на советское предложение своим мораторием».

Возглавляемая Джексоном группа состояла из представителей нескольких американских организаций, выступающих против гонки вооружений. Они привезли с собой в Женеву полтора миллиона подписей американцев под обращением в защиту мира. Джексон и его спутники просили также встречи с Рейганом, но, как пишет газета «Интернэшнл геральд трибюн», они были приняты всего-навсего «американским официальным лицом низкого ранга».

Прибыла в Женеву из Америки и группа ветеранов встречи на Эльбе. Один из них, доктор Робинсон, сказал: «Надо возродить здесь, в Женеве, дух Эльбы, где представители наших стран встретились в мирном рукопожатии». Американцы привезли с собой большую фотографию, на которой запечатлен этот исторический момент, и значки, в которые она вмонтирована в уменьшенном виде. Подполковник в отставке Коцебу заявил: «Сорок лет назад между простыми людьми разных стран был дух товарищества. Сегодня мы хотим напомнить тем, кто стоит у руля, что именно простые люди в конечном счете все решают».

Были в Женеве и пострадавшие от атомной бомбардировки из Японии. Были и представители многих других организаций, выступающих за мир, против гонки вооружений. Все они во многом способствовали тому, что встреча в Женеве все-таки состоялась и состоялась не зря. Весь мир уже дал ей свою высокую оценку.

Генеральный секретарь ООН Х. Перес де Куэльяр отметил, что он приветствует дух совместного советско-американского заявления, в особенности готовность искать общую почву для решения существующих проблем. Спикер палаты представителей США Т. О'Нил заявил, что он «более чем удовлетворен» тем, что руководители США и СССР договорились о проведении новых встреч. «Пока мы будем за столом переговоров, существует возможность того, что мы заключим соглашение,— сказал он.— Уже тот факт, что Р. Рейган и М. Горбачев вели диалог, свидетельствует о согласии на тот счет, что войны не будет».

Премьер-министр Великобритании М. Тэтчер заявила: «Женевская встреча на высшем уровне была конструктивной, способствовала укреплению взаимного доверия и усилила надежды на будущее». Президент Франции Ф. Миттеран выразил удовлетворение по поводу того, что состоявшаяся в Женеве советско-американская встреча на высшем уровне завершилась в хорошей атмосфере. Уже сам факт возобновления диалога между двумя великими державами подает надежду, сказал он.

«Участники советско-американской встречи в верхах,— заявил председатель СДПГ В. Брандт,— достигли максимума из того, что вообще возможно достичь за два с половиной дня: основополагающие отношения между двумя сверхдержавами должны в общем улучшиться. Это означает, что должна начаться новая фаза политики разрядки...»

Иного пути нет! Как констатировали обе стороны в своем совместном заявлении, «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей».

Женева — Москва.

После съемки испытаний взрывчатки редактор киногруппы Лоуэлл скрылся, похитив два заряда. Он тайком пробрался в номер и уничтожил паспорт режиссера Карсона, лишив его возможности уехать за границу. Затем он похитил порочащие конгрессмена Медуика документы. Тогда же Лоуэлл написал заместителю помощника министра юстиции Уильямсу анонимное письмо. В нем он угрожал убить самого Уильямса, а также Карсона, Медуика, маклера Меллона, красавицу Стефани Сполдинг, тренера Уорнки.

После разговора с Лоуэллом по телефону Медуик поехал к нему, чтобы выкупить украденные документы. На обратном пути он погиб в устроенной Лоуэллом автокатастрофе. Вслед за тем Лоуэлл сумел перехитрить Уильямса, убить, казалось бы, надежно опекаемого агентами ФБР и телохранителями Карсона и скрыться, несмотря на то, что были приняты все меры к его задержанию.

За Лоуэллом начинают охотиться и «олимпийцы» — тайная организация крайне правых в правительственных сферах, которых он стремится разоблачить. В руки Уильямса попал агент «олимпийцев» Ричардсон и рассказал о Лоуэлле, служившем с ним во Вьетнаме в особом подразделении. Уильямс продолжает поиски и, знакомясь с протоколами заседаний комиссии конгресса по военным делам, наталкивается на упоминание имени брата Лоуэлла Томми Шовайса, к гибели которого Уильямс был косвенно причастен.

В это время Лоуэлл готовится убить маклера Меллона, находящегося на охраняемой разведкой и морскими пехотинцами яхте.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

35

Уильямс позвонил Коннорсу.

— Планы меняются. Завтра по пути в Торонто я остановлюсь в Нью-Йорке. Лоуэлл в прошлом году работал в компании «Интернейшнл телевижн пэкейджинг».

— Ты что-то раскопал в Балтиморе?

— Трудно сказать. Оказывается, у Лоуэлла есть небольшая пленка с похорон Кеннеди. Он демонстрировал ее как образец при устройстве на работу. На пленке он берет интервью у четырех людей — и все эти четверо в списке намеченных жертв.

— Господи!

— Свяжи это с тем,— сказал Уильямс,— что в Нью-Йорке он работал над юбилейным фильмом, посвященным Кеннеди, потом перебрался в Балтимор и сказал продюсеру, что был уволен из нью-йоркской фирмы.

Коннорс помолчал, потом ответил:

— Связывай с а м. Я не могу.

— Я тоже не могу, но должен. Если Уар и Горджо в Торонто не сообщат ничего нового, это все, чем мы будем располагать. Связь с фильмом. И она ничего не проясняет.

На ночь Уильямс остановился в балтиморском мотеле, поужинал в одиночестве, потом поднялся к себе в номер. Но из головы у него не шла пленка Лоуэлла. Как нередко бывало с самого начала этого кошмара, он перенесся мыслями в 1963 год, к тем дням, когда Кеннеди был еще жив, город кишел энергичными оптимистами, и среди тысяч там были Меллон, Медуик, Сполдинг и Уорнки.

А теперь, десять лет спустя, этот человек решил их убить.

Уильямс знал, почему о н находится в списке. И, возможно, Лоуэлл мог затаить какую-то обиду на Карсона с тех пор, когда они работали в ЮСИА. Это конкретные причины, из-за которых психически неуравновешенный парень мог пойти на убийство.

Но те четверо, у кого Лоуэлл брал интервью на похоронах? Они были выбраны в толпе наобум и десять лет спустя обречены на смерть. Почему?

36

Аллен Лоуэлл дожидался на причале острова Сент-Томас моторки, которая доставит съемочную группу в лагуну. Погружение было назначено на завтра.

Он был одет в коричневую ветронепроницаемую куртку и джинсы, на плече у него висел в футляре бинокль. Его взяли в съемочную группу на место таинственным образом исчезнувшего накануне подсобного рабочего. Исчезновение организовал Аллен, он сказал этому человеку, что очень интересуется погружениями и просто должен видеть этот эксперимент. За хрустящую стодолларовую бумажку и обещание назавтра такой же рабочий отдал Аллену свой значок. С этим значком Аллен ни у кого не вызывал любопытства и менее всего у охранявшего причал морского пехотинца.

Аллен стоял на причале под солнцем и смотрел, как чайки ныряют в голубую воду и неизменно взлетают с серебристой рыбкой в клюве. Они не промахивались.

Моторка подошла, пришвартовалась, и Аллен перенес на нее аккумуляторы и съемочное оборудование. Несколько минут спустя моторка неслась к острову Сент-Джон, покрытому до вершин холмов пышной зеленью. Сперва перед их взором был Рокфеллер-парк, потом двадцать минут спустя они обогнули косу и увидели корабли на якоре, домики на берегу и вертолет, медленно, мягко опускавшийся на пристань.

Когда они, вспенивая воду, подошли к лагуне, Аллен увидел суда, которые ему были нужны— яхту Меллона и ТДК.

Аллен поспешно спрыгнул на пристань и перевыполнил свою норму тяжелой работы, помогая группе устанавливать оборудование.

На вертолете, который видел Аллен, прилетел адмирал. Это было проявлением мудрости координатора из министерства внутренних ресурсов. Командование флота выражало недовольство с самого начала этой операции, и, чтобы задобрить его, некий гений подал идею пригласить кого-нибудь из адмиралов на церемонию погружения, которой открывался тридцатидневный эксперимент.

По замыслу первый спустившийся к домику аквалангист должен был достать из люка большой золотой ключ, всплыть на поверхность и под объективами телекамер вручить пораженному адмиралу этот символический ключ от эксперимента.

Адмирал Джесон Бингем болтал в кают-компании ТДК с капитаном Мазуром.

— Перед вылетом сюда мне был звонок из министерства юстиции. Они обеспокоены тем, что здесь находится этот Меллон.

— На этом настоял адмирал-океанограф, сэр. Мы были готовы отправить его отсюда.

— Черт, как мне это не нравится! Эксперимент стоил правительству громадных денег, и нам только не хватало, чтобы во время него был убит какой-то гражданский. После этого фиаско можно будет навек проститься с «Тектайтом».

— Еще не поздно,— сказал капитан.— Мы можем отправить его отсюда на вертолете.

— А с меня могут снять голову в Пентагоне, если я прикажу отправить его отсюда и он будет убит у себя дома. Нет. Ошибка уже сделана. Но мы примем меры, чтобы с этим человеком ничего не случилось — по крайней мере пока я здесь.

На яхте Меллона агент ФБР говорил по радиотелефону с оператором Уильямса в Вашингтоне.

— Никаких происшествий. Все спокойно. Выхожу на связь через час.

Аллен видел две лодки, охранявшие яхту, морских пехотинцев на борту и думал, что прорваться через этот кордон было бы невозможно. Он поступил предусмотрительно, назначив свидание Кэти на ТДК.

Моторка остановилась у пристани, покачиваясь и задевая бортом за кранец. Аллен спросил моториста:

— Куда вы теперь?

— Не знаю. Наше дело — ждать распоряжений.

— Хотите получить двадцать долларов за небольшую прогулку?

Первый оператор поглядел на Аллена и сердито сказал:

— Эй, Адамс, тебя взяли помогать!

— Подойду через полчаса,— торопливо сказал Аллен мотористу.

— Куда тебе?

— У меня девочка на вспомогательном судне.

— Ладно,— сказал моторист.— Я буду здесь.

Капитан объяснил, как охраняется яхта Меллона, и адмирал остался доволен.

— Мимо морских пехотинцев не пробраться никому,— сказал он. Потом услышал, как подошла моторка.

На ТДК кают-компания находится рядом со сходнями. И адмирал ясно слышал разговор. В будущем он не раз будет вспоминать его. Какой-то человек сказал вахтенному:

— Мне нужно повидать Кэти Симмонс.

— Кого?

— Это девушка лет семнадцати...

— Да, сэр. Е е я помню, сэр.

Неизвестный сказал:

— Я договорился встретиться с ней здесь в это время.

— Ее здесь нет, сэр. Мистер Хадсон, главный океанограф, отправил ее на яхту Меллона. Теперь ей запрещено находиться здесь.

В кают-компании капитан улыбался адмиралу, думая, рассказать ли ему об импровизированном телепредставлении, устроенном Кэти для акванавтов. Но решил, что не стоит. Никакой адмирал не удержался бы при этом от смеха.

— Это не так уж важно,— сказал тот человек вахтенному.— Но что такого Кэти сделала?

— Выставила напоказ груди,— сказал вахтен-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 36—48.

ный, и адмирал расхохотался. Капитан с облегчением рассмеялся тоже.

Аллен Лоуэлл, спускаясь в моторку, не смеялся. Задача перед ним стояла сложная.

Агент ФБР разговаривал с Кэти на борту яхты Меллона, когда к лодке охраны у левого борта подошла моторка. Агент увидел за штурвалом молодого человека, и тут девушка замахала рукой и крикнула:

— Джим! Сюда!

— Кто это? — спросил агент.

— Мой парень. Он сказал, что будет работать со съемочной группой.— Она повернулась к агенту.— Сэр, можно ему подняться на борт? Всего на минуту? Я несколько дней не видела его.

Меллон вышел на палубу, но агент уже сказал: «Ни в коем случае». Он взял рупор, служивший для переговоров с охраной, и его усиленный голос прозвучал металлически:

— Скажите, пусть проваливает! Никаких гостей!

Человек в моторке передал охраннику какой-то футляр и с ревом понесся к пристани. Охранник крикнул в мегафон:

— Он оставил подарок для девушки.

— Хорошо, давай его сюда,— ответил в рупор агент.

Лодка подошла к борту.

— Поймать сможете?

— Конечно.

Охранник бросил футляр, Кэти поймала. Рядом с ней стояли Меллон и агент ФБР. Они взяли у нее футляр и открыли, внутри был бинокль.

— Я забыла взять его,— сказала Кэти, хотя до сих пор и в глаза не видела бинокля. Но Джим велел сказать так, если возникнут вопросы. Агент повертел бинокль в руках.

— По-моему, тут все в порядке,— сказал он.— Тем более, что этот человек не на борту.

— Завтра я буду наблюдать церемонию погружения,— сказала Кэти.— Я близорука, а так хочется все рассмотреть.

Но агент ФБР решил удостовериться сам. Он поднес бинокль к глазам, поглядел. Затем агент отдал его Кэти.

— Я хотел убедиться, что это действительно бинокль,— сказал он, хотя, собственно, и не сомневался в этом. У такой девушки, как Кэти, должен быть мальчик на побегушках.

Аллен Лоуэлл весь день работал на солнцепеке, грузил тяжелые ящики и оборудование, лицо его заливал пот, в башмаки набился песок. Но он привык работать со съемочными группами. Потом все сели в моторку и вернулись на Сент-Томас, а вечером в прибрежном баре Аллен вручил рабочему еще сто долларов.

— Завтра можете выходить на работу,— сказал он.— Зрелище было незабываемое.

Потом Аллен пошел к себе в отель и достал из чемодана мундир армейского сержанта. В ту же ночь сержант первой десантной дивизии Гарольд Дауб вылетел самолетом компании «Пан Американ» в Майами, а там пересел на рейс до Вашингтона. «Тектайт III» был у Аллена позади.

Впереди была Стефани Сполдинг.

37

Десять часов сорок пять минут, остров Сент-Джон. Бинокль лежал в футляре на туалетном столике в каюте Кэти.

Надо было поторапливаться. Церемония начиналась в одиннадцать, акванавты на своем судне натягивали костюмы, адмирал и другие высокие чины собрались на палубе ТДК.

Кэти решила устроить акванавтам последнее представление. Она облачилась в голубое бикини и пошла на нос, откуда могла помахать им перед спуском. Чтобы они помнили ее все долгие дни под водой.

Когда она проходила мимо радиорубки, один из агентов ФБР увидел ее и присвистнул.

Перед вылетом из Балтимора двенадцатичасовым рейсом в Нью-Йорк Джордж Уильямс позвонил Стефани Сполдинг и Бобу Уорнки. Стефани сразу же вспомнила интервью во время похорон. Уорнки на минуту задумался.

— Знаете, у меня много раз брали интервью как у тренера. Но я не помню, совал мне кто-то в тот день микрофон под нос или нет... Постойте... А, вы имеете в виду того... верно, один парень подходил ко мне на улице, когда процессия уже прошла. Я глядел ей вслед и плакал как ребенок. Он спросил, работал ли я с Кеннеди, а я ответил, что сейчас не могу говорить. Вот и все интервью! Черт, должно быть, это он. Тот самый парень!

— Это он,— сказал Уильямс и повесил трубку. Потом стал дозваниваться на яхту Меллона. После долгих помех и ошибок он наконец связался со своим человеком.

— Меллон под надежным присмотром?

— К яхте никто не приближался,— сказал агент ФБР. И после паузы добавил:— Вообще-то вчера подплывал один парень.

— Что?

— На яхте находится девушка, дочь одного из ученых. Этот парень вчера хотел навестить ее, но мы его прогнали.

— Возьмите эту девушку и не подпускайте к Меллону!

— Этот парень не подходил к ней! Только передал через охранников бинокль.

— Бинокль?

— М-м-м, да...

— Где сейчас этот бинокль?

— Н-не знаю.

— Бросьте его за борт сию же минуту!

— Это настоящий бинокль. Мы проверяли.

— СИЮ ЖЕ МИНУТУ НАЙДИТЕ ЕГО И БРОСЬТЕ ЗА БОРТ!

Адмирал Бингем был в прекрасном настроении. Кто-то из штаба сказал ему, что он получит золотой ключ от домика акванавтов, и его это радовало. Штабисты, капитаны первого и второго рангов, стоявшие с ним на палубе, были одеты в безупречно белые мундиры с золотыми галунами. По правому борту находилось прогулочное судно, с которого акванавты должны были погружаться. Эта помпезность была дисгармонирующей нотой в якобы военной операции, но министерство внутренних ресурсов не особенно считалось с военными моряками. Адмирал улыбнулся, когда один из акванавтов, уже одетый для погружения, отдал ему честь.

От ТДК к подводному домику шли кабели, он стоял поодаль от берега. К нему причалил старый Курт Меннинг, научный телеобозреватель. Съемочная группа наводила с кормы катера на адмирала объективы телекамер.

— Не хотите ли сказать несколько слов перед погружением?—спросил его Меннинг.

И, не дожидаясь ответа, перепрыгнул на палубу, к досаде других телегрупп на своих катерах. Адмирал отказался говорить с ними до погружения, опасаясь, что может что-то случиться: он не хотел, чтобы его снимали вещающим о технологическом достижении, когда внизу лежит мертвый акванавт, как это случилось при проведении «Си Лэб III», но у Меннинга, очевидно, был какой-то подход.

С яхты Меллона, стоявшей ярдах в тридцати, это было яркое, красочное зрелище. Солнце с ясного, голубого неба сверкало на волнах лагуны. Акванавты докуривали последние сигареты, им предстояло не курить тридцать дней. Один из них поднял взгляд и увидел Кэти в голубом бикини.

— Опять эта дочь природы.

— Умеет задеть мужчину за живое,— сказал другой и услышал, как с пристани его окликают по имени. Молодая красивая женщина вышла из толпы и бросила ему фотографию в непромокаемом пластике. Потом послала воздушный поцелуй.

Акванавт помахал фотографией жены и улыбнулся ей. По сравнению с девицей в бикини она внезапно показалась очень старой.

Кэти на носу внезапно спохватилась. Бинокль! Она была так поглощена зрелищем и этими беднягами-акванавтами, что чуть не забыла о наставлениях Джима.

Взяв бинокль, Кэти поднесла его к глазам. Взволнованная, она думала о том, как передать бинокль Меллону. Но где он? Джим, очевидно, считал, что он будет на носу, рядом с ней.

Кэти встревоженно огляделась и увидела, что Меллон стоит на рулевой рубке с морским пехотинцем. Она стала торопливо подниматься по трапу, и тут же на трап выскочил встревоженный агент. Кэти отковырнула ногтем кусочек кожи на бинокле и вместе с ним вытащила тонкий, похожий на иглу штырек.

— Мистер Меллон,— подавая бинокль, сказала она.— Вы только взгляните попристальнее на красавчика справа!

— Давай.— Меллон взял бинокль.

— МЕЛЛОН!— прогремел голос.— БРОСЬТЕ БИНОКЛЬ ЗА БОРТ! ЭТО БОМБА!

Меллон опустил бинокль и рассмеялся.

— Вы шутите? Ваш приятель вчера не взорвался! Какие пугливые стали...

Меллон вновь поднес бинокль к глазам. Но мгновенно взбежавший по трапу агент рванул Меллона, и тот растянулся на крыше. Бинокль описал в воздухе дугу, и все, кто был на борту ТДК, затаив дыхание, следили, как он падал на поручень. Раздалось громкое БУМ! Взрыв повредил палубу и близлежащие каюты, корпус яхты треснул, и один морской пехотинец полетел за борт, рукава его были изодраны в клочья.

Глава V

22 НОЯБРЯ 1973 ГОДА

В Нью-Йорке было холодно, резкий ветер насквозь пробирал шедших по бетонке к дверям вокзала и к теплу пассажиров вашингтонского самолета. Уильямс вышел наружу и подозвал такси.

По пути к Манхэттену водитель, человек с густыми черными бровями и, видимо, не раз сломанным носом, спросил:

— Слышали об этих убийствах? Одно в отеле «Амбассадор»... Картон, или Карсон, или как там его? А теперь бомба в Нассау.— И глянул в зеркало заднего обзора.

— Читал,— ответил Уильямс.

— Ну так вот, мой сын вчера вечером разгадал, кто это. Мы смотрели новости по телевизору, и он явился с ответом. Это Освальд.

— Ли Освальд?

— Вот именно. Настоящий Ли Освальд. Вы знаете, у него был двойник. Сын заставил меня прочесть одну из книжек об этом заговоре, там есть свидетельство, что, когда один Освальд покупал что-то в одном городке, другой был в другом, не то на стрельбище, не то где-то еще. И малыш говорит, что один из этих Освальдов еще на свободе.

Уильямс сотрудничал в этом деле с комиссией Уоррена, помогал расследовать каждую версию заговора. Всех волновала связь с ЦРУ: Освальд жил в России, следовательно, ЦРУ по крайней мере обращалось к нему. Но в конце концов все улики указали на то, что Освальд действовал в одиночку, и Уильямс поверил в это.

— Что ж,— сказал он водителю,— кто он такой, станет известно двадцать второго ноября.

— Почему?

— В письме указана эта дата.

— Но осталось всего две недели. По-вашему, он за это время убьет еще четверых, хотя его ищет все правительство?

— Я думаю, попытается,— сказал Уильямс.

Рокфеллер-центр высится посреди города, уже немного постаревший, но все еще величественный, его современные стеклянные башни кажутся фантастическими видениями, которые в один прекрасный день рассеются.

Такси свернуло с Пятой-авеню, но Уильямс не замечал ничего вокруг. Теперь, больше чем когда-либо, он понимал, что должен как-то заставить Лоуэлла охотиться за собой, немедленно! Меллона спасла накануне лишь чистая случайность. Позвони он агенту ФБР пятью минутами позже, Меллон был бы мертв.

Газеты снова подняли шум. Покушение вызвало гневные нападки на «беспомощное» ФБР, неспособное защитить известную жертву с помощью сотен морских пехотинцев.

На это Уильямс мог бы кое-что возразить. От такого убийцы, как Лоуэлл, который все рассчитывает заранее, всегда совершает что-то непредвиденное и действует с поразительной дерзостью и точностью, защитить намеченные жертвы невозможно, разве что посадить их в тюремные камеры, на что не согласятся ни Сполдинг, ни Уорнки, хотя кто-то из ФБР всерьез предлагал эту меру. Теперь уж было ясно, что обычные меры — охраняемый номер в отеле, дом-сейф — бесполезны против методов Лоуэлла.

Водитель остановился у здания № 30, и Уильямс поднялся лифтом на восьмой этаж, где размещалась «Интернейшнл телевижн пэкейджинг».

Помещения фирмы были обставлены с неброской роскошью: повсюду, даже в приемной, стояла мебель в стиле эпохи Регентства и висели картины-подлинники. Уильямса проводили в кабинет вице-президента, отвечающего за производство, высокого, худощавого, седеющего человека по имени Том Джексон.

— Мне поручено оказывать вам всевозможное содействие, мистер Уильямс,— сказал он.— И, честно говоря, я берусь за это очень охотно. История в высшей степени ужасная.

— Давно работает ваша компания, мистер Джексон?

— Года два с половиной плюс-минус месяц. А что?

— Почему же вам потребовалась помощь внештатников?

Джексон улыбнулся.

— Видите ли, мистер Уильямс, это был особый случай. Мы широко привлекали всех, у кого были еще не демонстрировавшиеся пленки с президентом Кеннеди, для юбилейного выпуска в прошлом году. Болтон в числе прочих откликнулся на объявление. Он провел несколько интервью на похоронах президента. В самом деле очень впечатляюще.

— Вы просматривали эту пленку?

— Да. И, кажется, это была моя идея послать его девять лет спустя за интервью к этим четверым. Свести вместе прошлое и настоящее.

— И он взялся за это?

— Да, сэр. Продюсером фильма был Боб Торли. Он расскажет вам, что произошло.

Через несколько минут вошел человек в сером кашемировом свитере, серых брюках, мягких кожаных ботинках и пожал руку Уильямсу.

— Ну и псих этот Болтон, а?

— Как он среагировал на четыре повторных интервью?— спросил Уильямс.

— Среагировал? Его это чуть не доконало. Начну с того, что он был в скверной форме. Я еще при первой встрече заметил, что он слишком нервный для работы. Наверно, мистер Джексон, взяв его, просто оказал ему любезность, потому что он—вьетнамский ветеран и все такое прочее.

— Т о г д а я думал,— сказал Джексон,— что мы сможем использовать его пленку.

— Но после того, что Болтон выяснил, это стало невозможно. Видите ли, мы хотели, чтобы он навел справки о тех людях, прежде чем соваться к ним за интервью. И когда он вернулся, злющий, как черт, я спросил, в чем дело. Он сказал: те четверо обожателей Кеннеди теперь превратились в шлюху, мошенника, бездельника-пьяницу и педика.

Уильямс задумался. Первых троих он мог определить, поэтому педиком оставался Уорнки. Уорнки? Футбольный тренер?

— Он не уточнял, кто есть кто?

— Нет. Какой смысл? Он сказал, что не станет снимать их в память о Кеннеди, потому что они осквернили — именно так он и выразился — все, ради чего Кеннеди трудился. Заявил, что не позволит нам использовать свою пленку с похорон после того, что узнал. Мы ответили: ладно, обойдемся. И все.

— Одному продюсеру в Балтиморе он сказал, что был выгнан с работы из-за своих взглядов.

— Из-за взглядов! У него были безупречные взгляды. Он любил Кеннеди и работал над этой передачей, как вол. Мы поручили ему отредактировать несколько сцен, выяснить коечто из времен Кеннеди, и он был рад, как ребенок.

— Значит, насколько вам известно, он разочаровался в замысле, узнав, что сталось с теми четверыми?

Джексон развел руками.

— В чем же еще могло быть дело? В тот день он ушел отсюда и больше не возвращался. Точка. Не скажу, что его уход явился ударом для нас — в конце концов он был просто внештатником,— но он так горячился, не желая использовать эту пленку, что, наверно, часть ее стерлась. В общем, мы решили обойтись без этих четверых, в том числе, разумеется, без интервью Болтона на похоронах.

Уильямс спросил, можно ли ему посмотреть юбилейный фильм.

— Я бы рад помочь вам, мистер Уильямс, но там даже нечего видеть. Фильм так и не был закончен. Зато можете посмотреть версию этого года.

— А почему не закончен прошлогодний фильм?

— Болтоновский? Отделы новостей на телестудиях не любят независимых продюсеров-документалистов, мистер Уильямс. Они хотят сами делать все свои передачи... В телебизнесе это хорошо известно. Поэтому нам сообщили в последнюю минуту, что часы наибольшего приема заняты и заказчик отказывается от фильма. Полгода работы пошло насмарку, но теперь у нас надежный заказчик, и мы делаем новый юбилейный телефильм. С полной гарантией.

Уильямс знал, что Джексон говорит правду. Однажды он принимал участие в антитрестовском деле против телекомпаний, захвативших часы наибольшего приема, и отказа отделов новостей от независимых продюсеров в частности.

— У вас нет пленки Лоуэлла?— спросил он.

Джексон покачал головой.

— Тогда я хотел бы посмотреть новый фильм.

— Да-да,— сказал Джексон.— Сейчас я свяжусь с монтажером.

Он позвонил секретарше и потребовал к телефону Санчеса. Когда Санчес взял трубку, Джексон сказал:

— У меня здесь человек, ему нужно посмотреть наш новый фильм о Кеннеди. Монтаж не закончен?.. Что ты можешь показать ему?.. Ясно. Минутку. Монтаж еще не закончен,— сказал он Уильямсу,— но Санчес может показать вам несколько эпизодов с разных пленок.

— Когда монтаж будет закончен?

Джексон спросил в трубку Санчеса.

— Пока не может сказать. Они ждут какую-то пленку, а когда она поступит, неизвестно.

— Я еще приеду,— сказал Уильямс.

Джексон поглядел на него.

— Я все же не понимаю, какое отношение фильм этого года имеет к Болтону. Болтон не принимал в нем никакого участия.

Но вместо ответа Уильямс спросил:

— Когда ваша передача идет в эфир, мистер Джексон?

— Двадцать второго ноября в восемь часов.

Уильямс поблагодарил его, Торли и вышел из кабинета. Но, проходя мимо, он остановился у стола секретарши, принимающей посетителей, изящной брюнетки, та одарила его улыбкой.

— Мистер Джексон говорит, что в тот день, когда уходил Джефф Болтон, дежурили вы. Помните?

— О, конечно. Он славный парень. Нервный только очень.

Зазвонил телефон, и Уильямсу пришлось ждать, пока секретарша вставит штекер в гнездо. Потом она взглянула на него и сказала:

— Я только знаю, что мистер Брокуэй пришел к мистеру Джексону. А через пять минут Джефф вернулся с ленча, вид у него был просто ужасный. Бедняга, с тех пор, как он повидал тех, кого интервьюировал, на нем лица не было.

— Ну и что?

— Я не знаю, что произошло. Он зашел к мистеру Джексону и вышел через десять минут бледный как смерть. Я спросила: «Что случилось?» А он: «Ничего. Ничего». Вышел, и больше я его не видела.

— Кто такой мистер Брокуэй?

— Один наш финансист из другого города. Он приезжает сюда по делам время от времени, поэтому здесь у него есть кабинет. Мистер Джексон очень любезен с ним.

— Значит, когда Болтон зашел к Джексону, там находился человек по фамилии Брокуэй?

— Верно.

— А через десять минут Болтон ушел и больше не показывался?

— Тоже верно,— сказала секретарша.— Он был совсем зеленый! Сказал, что больше не придет никогда.

Уильямс поблагодарил ее и вышел.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Начало см. на стр. 11.

в блокнотах, восполняя остальное по памяти. Чем дольше шла война, чем больше событий нагромождалось одно на другое, тем больше отставала расшифровка карандашных закорючек в моих блокнотах. Многие блокноты пропали, несколько сгорело в машине, один утонул, до других так и не дошли руки. И хотя эти дневники в конце концов составили почти две тысячи страниц, сейчас, перечитывая их подряд, я вижу, как много важного и необходимого пропущено мною». Сейчас в ЦГАЛИ хранятся шесть томов машинописных записей, составляющих военный дневник 1941—1945 годов и дневники-воспоминания о Халхин-Голе. Много дополнительных материалов включено Симоновым в «Дневник поездки по Японии» 1946 года и в «Дневник. Китай» 1949 года. Еще более обширный материал содержится в записных книжках писателя. Записи бесед во время поездок, характеристики лиц, с которыми он встречался, путевые заметки, краткие дневниковые записи, творческие заготовки, наброски стихотворений, замечания на обсуждениях, просмотрах и прочее. Самая ранняя из них относится к 1933 году, последние — к 1967-му.

Переписка Симонова поступила в ЦГАЛИ лишь частично. Главным образом это письма читателей, зрителей, в том числе участников Великой Отечественной войны. Среди ранних писем преобладают отзывы на произведения, созданные в период войны, особенно на стихотворение «Жди меня», пьесу «Русские люди» и другие. Широко известно, что стихотворение «Жди меня» переписывалось, перепечатывалось и направлялось тем, кто ждал воевавших. Но оно породило и ответный поток стихов, которые посылались на фронт близким, а некоторые — и Симонову. «Ваше слово,— писала одна из таких корреспонденток,— пробуждает в людях самое прекрасное чувство, и одним из доказательств этого служит посылаемое мной маленькое стихотворение 26-летней женщины, матери, жены.

ЖДУ ТЕБЯ

Жду тебя, и ты придешь
Сквозь огонь и кровь.
Жду тебя, и ты придешь
В дом родимый вновь.
Жду, едва забрезжит свет,
Жду в тиши ночей,
Жду, когда полгода нет
От тебя вестей».

Появление стихотворения Симонова вызвало в свое время в печати полемику о правомерности превосходства любви близкой женщины над материнским чувством. Любопытно, что, не затрагивая этого вопроса в письмах, авторы стихотворений в ряде случаев изменяли его направленность.

Мне давно из дальних мест
Писем не несут.
Никому не надоест,
Все со мною ждут.
Жду тебя, мой дорогой,
Жду я не одна:
Дочь и сын,
Отец и мать,
Ждут тебя друзья.

Патриотичностью, чувством ненависти к врагу исполнены отклики и на другие произведения Симонова. «Ваша пьеса воодушевляет нас на подвиги. Мы будем беспощадно уничтожать немецких стервятников»,— пишут Симонову из зенитной части о его пьесе «Русские люди». Эти многочисленные письма являются непосредственным подтверждением слов Маршала Советского Союза А. М. Василевского, писавшего Симонову 29 ноября 1975 года: «Наши Вооруженные Силы и я лично как солдат, испытавший на себе от первого до последнего дня всю тяжесть минувшей войны, разве можем забыть ту исключительную роль и то незаменимо высокое значение, которые имели на протяжении всей войны непрерывно выходящие из-под Вашего пера строки, всегда и немедленно зажигавшие в сердцах всех воинов еще большую ненависть к врагу, вселяли в нас необходимую изумительную отвагу, мужество и героизм на поле боя и укрепляли веру в победу советского народа над фашистским врагом?»

Огромный фактический материал содержится в письмах-откликах и на послевоенное творчество Симонова. Так, только в последней партии материалов, переданной в ЦГАЛИ еще самим Константином Михайловичем незадолго до смерти, содержится около 11 000 писем, посвященных трилогии «Живые и мертвые», в том числе письма читателей — участ-

НД №1814

ников событий и его ответы на них. Большое количество уточнений, сообщений о дальнейших судьбах действующих лиц, их характеристики встречаются и в письмах, связанных с документальными очерками Симонова и публикациями его дневников. Огромно число откликов на его книги, спектакли, фильмы.

Среди собранных Симоновым материалов можно выделить воспоминания участников гражданской и Великой Отечественной войн, материалы многочисленных зарубежных поездок, материалы, отложившиеся в результате работы над статьями, докладами, исследованиями, посвященными А. С. Пушкину, Л. Н. Толстому, Б. Шоу, Э. Хемингуэю, А. Т. Твардовскому, развитию советской литературы, выставкам В. В. Маяковского и В. Е. Татлина, деятельности в журнале «Новый мир» и «Литературной газете».

Ценной частью фонда Симонова являются многочисленные изобразительные материалы. Это прежде всего фотографии самого писателя, некоторые с его автографами начиная с 1938 года, фотографии в группах с офицерами и солдатами на фронтах Великой Отечественной войны, с писателями, в зарубежных поездках. Много фотографий, отдельных и собранных в альбомы, сцен из спектаклей по пьесам Симонова, их афиши и программы, афиши и фотографии кадров из кинофильмов.

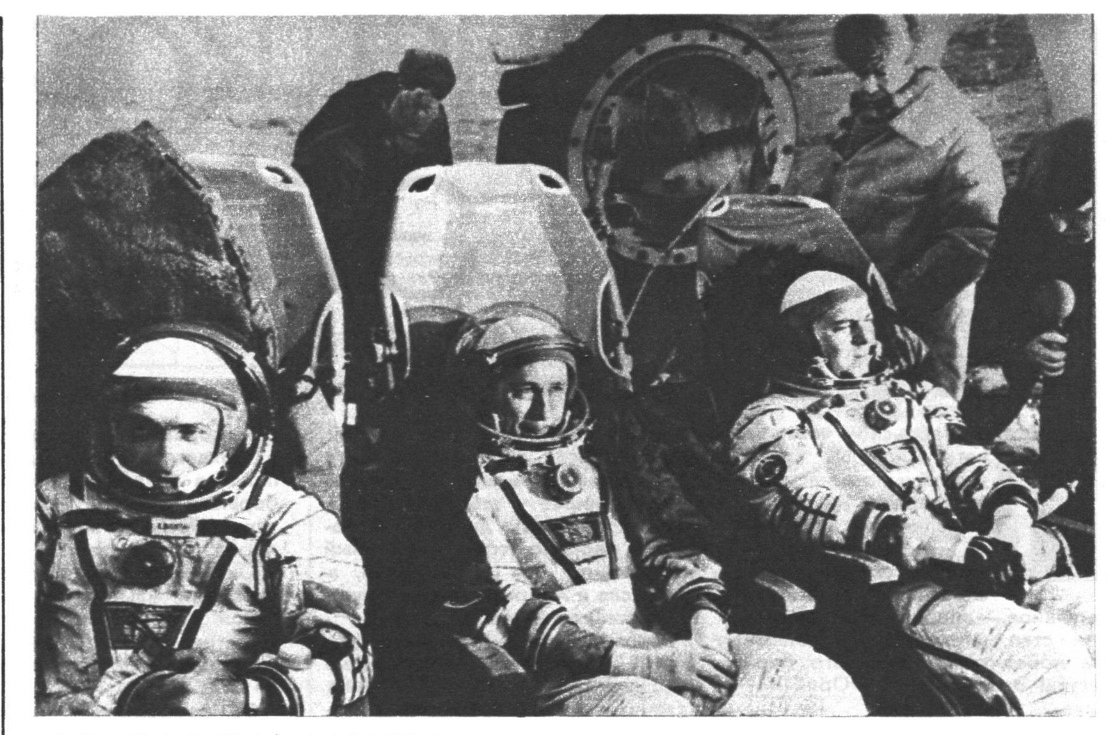
По опыту работы ЦГАЛИ можно сказать, что каждый архив своеобразен и в той или иной мере является отражением личности своего создателя. Что же присуще фонду К. М. Симонова, что в нем особенно впечатляет даже при первом знакомстве? Это прежде всего его масштабность, огромный охват включенных в него материалов, полнота отражения творчества писателя на документальном фоне эпохи. Во-вторых, чувствуя себя, по собственному признанию, не только писателем, «а, может быть, немного и историком войны», Симонов стремится все время не отходить от действительных событий. Это проявляется и в достоверности его художественных произведений (не случайно он повесть «Дни и ночи» называл своим сталинградским дневником), и в его высказываниях как очевидца войны. Об этом же свидетельствует и огромный собранный им материал, который содержится в присылаемых ему письмах и воспоминаниях участников войны. Все это делает архив Симонова ценнейшим источником для изучения истории Великой Отечественной войны.

И, наконец, нельзя не отметить той огромной работы, которая проводилась Симоновым по организации документов самого архива. Была проведена расшифровка и перепечатка военных дневников. Перепечатывались и объединялись с копиями ответов присланные ему письма. Шла текущая разборка документов, их объединение по темам и группам. Тщательно фиксировались и сохранялись материалы обсуждений художественных и документальных произведений, присланные замечания, высказывания, пожелания. Более того, многие документы вызывались к жизни самим писателем. Это записи бесед, которые были проведены по его инициативе с участниками Великой Отечественной войны, с кавалерами трех орденов Славы, с полководцами Советской Армии. Неоднократно высказываясь о значении собирания и сохранения документального наследия, Симонов последовательно проводил этот принцип и в своей деятельности.

В автобиографии, предпосланной первому тому собрания сочинений, он писал: «Если о времени, когда ты не печатался или только начинал печататься, можешь рассказать только ты сам, то обо всем последующем в жизни писателя говорят главным образом его книги». Это в основном верно. И все же, изучая наследие писателя, приходишь к мысли, что книги являются лишь конечным результатом его труда, но в полной мере постигнуть его творчество, а также получить представление о деятельности Симонова как писателя, общественного деятеля, борца за мир, увидеть его как талантливого организатора, принципиального редактора, доброго и отзывчивого человека можно только по материалам его архива.

В 1975 году в предисловии ко второму выпуску сборника ЦГАЛИ «Встречи с прошлым» К. М. Симонов писал о документальных ценностях, сосредоточенных в архиве,— «все это жадно вбираешь в свою благодарную память и радуешься тому, что это существует, что это сохранено, сбережено для нынешнего и для завтрашнего дня нашей культуры».

Сегодня это можно сказать и об архиве выдающегося советского писателя Константина Симонова.

КОСМОНАВТЫ ВОЗВРАТИЛИСЬ НА ЗЕМЛЮ

21 ноября 1985 года в 13 часов 31 минуту московского времени экипаж орбитального научно-исследовательского комплекса «Салют-7» — «Союз Т-14» — «Космос-1686» — космонавты Владимир Васютин, Виктор Савиных и Александр Волков — возвратился на Землю.

Спускаемый аппарат корабля «Союз Т-14» совершил посадку в заданном районе в 180 километрах юго-восточнее города Джезказгана.

В ходе двухмесячного полета экипаж выполнил большой объем исследований земной поверхности и атмосферы, астрофизические, технологические и технические эксперименты, медико-биологические исследования.

Длительный полет космонавтов на борту орбитального комплекса прекращен в связи с заболеванием Владимира Васютина и необходимостью его лечения в стационарных условиях.

Самочувствие В. П. Савиных и А. А. Волкова хорошее.

Орбитальный комплекс «Салют-7» — «Космос-1686» продолжает полет в автоматическом режиме.

На снимке: космонавты (слева направо) В. Васютин, В. Савиных и А. Волков после приземления.

Телефото Н. Малышева, А. Сенцова (ТАСС)

АМЕРИКАНСКИЕ ВРАЧИ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Москва, Ленинград, Фрунзе — таким был маршрут известных американских профессоров-медиков, которые побывали в нашей стране в рамках межправительственного сотрудничества в области здравоохранения и медицинской науки. В составе делегации находились: директор отдела легочных болезней Национального института Сердце — Легкие — Кровь Сузан Хард, профессор медицины из Филадельфии Альфред Фишман, профессор из Майами Уна Райан и директор легочного центра Бостонского университета Гордон Снайдер.

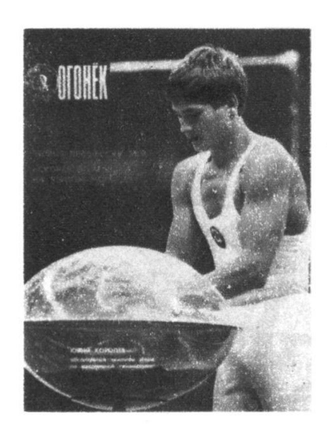
Гости ознакомились с работой Всесоюзного кардиологического научного центра Академии медицинских наук СССР, беседовали с академиком Е. Чазовым, побывали на кафедре внутренних болезней педиатрического факультета 2-го Московского медицинского института, возглавляемой членом-корреспондентом АМН СССР А. Чучалиным, совершили поездку по городу. Доктор Гордон Снайдер выступил с лекцией.

Между советскими и американскими врачами достигнута договоренность о возможном сотрудничестве в области заболеваний сердечно-сосудистых и легочных систем человека.

На снимке: американские профессора Сузан Хард, Уна Райан, Альфред Фишман и Гордон Снайдер в одной из палат 57-й городской больницы Москвы.

В. ЗАСЕЕВ
Фото автора

ДЛЯ КОРОЛЕВА ЭТО ПРОСТО

Владимир ГОЛУБЕВ

На ноябрьском чемпионате мира по спортивной гимнастике, проводившемся на олимпийском велотреке Монреаля, произошло событие, для спортивной истории уникальное,— впервые один спортсмен стал двукратным абсолютным победителем мирового первенства! Этот гимнаст — Юрий Королев...

В Монреале стрелки часов перевалили за полночь, когда на верхнюю ступень пьедестала поднялась шестерка наших молодых мастеров, завоевавших командное первенство, и зрители устроили им громоподобную овацию. Сразу же после награждения я подошел к Юре Королеву, капитану команды, и попросил его дать оценку выступления сборной. Юрий, общительный, как теперь говорят, контактный, человек, увлеченно рассказывал:

— На собрании команды мы решили, что для победы надо отдать все. Это было для нас принципиально. На прошлом чемпионате, который состоялся два года назад в Будапеште, мы уступили китайской сборной, уступили самую малость, всего пятнадцать сотых балла. И это было очень обидно. И вот теперь ребята старались вовсю. Правда, был тревожный момент, когда не заладились опорные прыжки у Вали Могильного и Саши Тумиловича. Тут китайские гимнасты здорово сократили разрыв, но брусья и перекладину мы прошли отлично, нас было просто не остановить. И если бы нас снова вызвали на помост, у нас хватило бы сил. А теперь, когда предстоит финал личного первенства, скажу вам по секрету, очень хочется выступить хорошо.

Во время разговора к нашим ребятам подошел знаменитый гимнаст Борис Шахлин, олимпийский чемпион, чемпион мира. Всем пожал руку. Сказал просто: «А правда, приятно возвращаться домой чемпионами?..» Но до возвращения домой еще было далеко. Предстояла борьба за титул абсолютного чемпиона, и Королев сразу же, на первом же снаряде, вышел вперед. Лидера пытались догнать и его товарищ Володя Артемов, и великолепный гимнаст из ГДР Сильвио Кролл, и Ли Нинь из китайской сборной, но тщетно — Юрий был недосягаем.

Помню такую сценку в автобусе, который катил по бесконечной улице Шербрук к олимпийскому парку «Мезонёв», к велотреку. Николай Андрианов, в прошлом один из самых именитых гимнастов мира, обратился к Юрию: «Я сегодня в судейской бригаде на опорных прыжках. Поэтому ты должен прыгнуть как следует, не подведи». Королев весело ответил: «Прыгну, если заранее поставите 9,9, Николай Ефимович». Посмеялись. Хорошее у всех было настроение. И что вы думаете? Королев так здорово исполнил опорный прыжок, что все шесть судей, в том числе и Андрианов, единодушно выставили ему 9,9!

Соревнования завершались. Королев заканчивал последнее упражнение на кольцах. Выполнил изящно соскок — двойное сальто прогнувшись, как звучит на гимнастическом лексиконе один из сложных элементов, увидел свою оценку — 9,85 и улыбнулся. Теперь он — абсолютный чемпион! И как бы подтверждая это, подошли к нему и Николай Андрианов, и Володя Артемов. Обнялись. Они же все трое из владимирской школы гимнастики, которую основал замечательный тренер Николай Григорьевич Толкачев. Андрианов в 1976 году здесь, в Монреале, стал олимпийским чемпионом, а сейчас победил Королев, Артемов завоевал серебряную награду. Вот какие они знаменитые, владимирцы.

Перед награждением Юра сидел в сторонке на скамеечке и улыбался своим мыслям. О чем он думал? Позже я у него спросил об этом. Юрий охотно ответил:

— О сыне Алешке думал. Ему уже два года и один месяц, с ним забавно играть. О жене Галине думал, она у меня добрая, домашняя, по образованию медик, работает в городской санэпидстанции. О маме, Людмиле Павловне, вспомнил — ох, как она переживает за меня! Ночами не спит, все беспокоится. Всю жизнь трудилась мама сборщицей на заводе, сейчас на пенсии, внука помогает нянчить... Сидел и думал еще о том, что все необыкновенно здорово у меня сложилось. Соперники лидером меня не считали, никто за мной не следил. Да, основания для этого были: спад у меня в прошлом сезоне произошел, ничего толком не получалось. Плохо выступал, падал, даже не попал в сборную страны, для которой самым ответственным стартом сезона был турнир «Дружба-84». Словом, тяжелый для меня период выдался. Думал: а стоит ли продолжать? Видел, как страдал мой тренер Александр Владимирович Федоров. И все-таки не бросил тренировки. Вместо пассивного ожидания мы выбрали наступление — начали переделывать комбинации, усложнять их. И пошло дело, сдвинулось с мертвой точки.

— Юрий, а знаешь ли ты, что стал первым в гимнастике спортсменом, которому удалось дважды стать абсолютным чемпионом мира?

— Знаю, конечно. Я мечтал об этом еще два года назад, на мировом первенстве в Будапеште. Но мечтам не суждено было сбыться — сорвался на перекладине уже в обязательной программе и не попал в личный финал по многоборью. Так что повторить свой успех 1981 года мне удалось лишь через четыре сезона...

Он голубоглаз, с пшеничными волосами, улыбчивый — ну прямо герой русских народных сказок. Простое, открытое лицо, прямой взгляд. И возраст его сказочный — 23 года.

Во дворе, в школе все звали его, разумеется, «король». Король, так король, ничего обидного, фамилия такая. Гонял целыми днями в футбол, а пришел в гимнастическую спортшколу—Владимир тогда гордился Николаем Андриановым, вернувшимся из Мюнхена олимпийским чемпионом в вольных упражнениях.

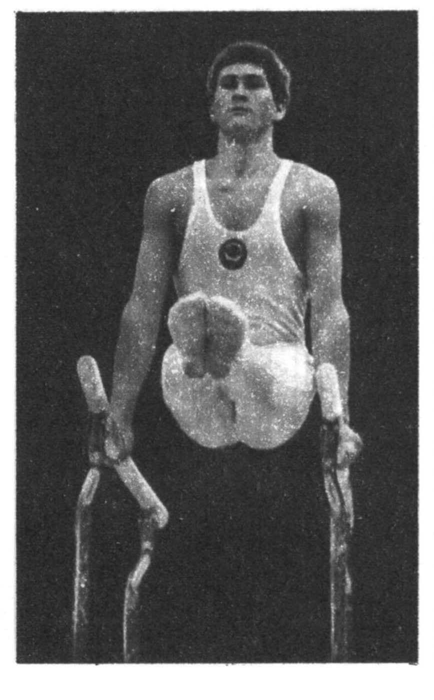
Королева взял к себе Борис Никитович Сухих, хороший тренер, который одно время тренировал Андрианова, и не пожалел: Юра занимался старательно, координация у него оказалась отличной, прыгучесть тоже. Он очень гордился тем, что тренируется в одном зале вместе с Андриановым, который с каждым годом увеличивал коллекцию громких титулов. Конечно, он был кумиром Королева, а однажды Юра был совершенно сражен, когда Андрианов вежливо попросил разрешения у них, новичков, занять брусья.

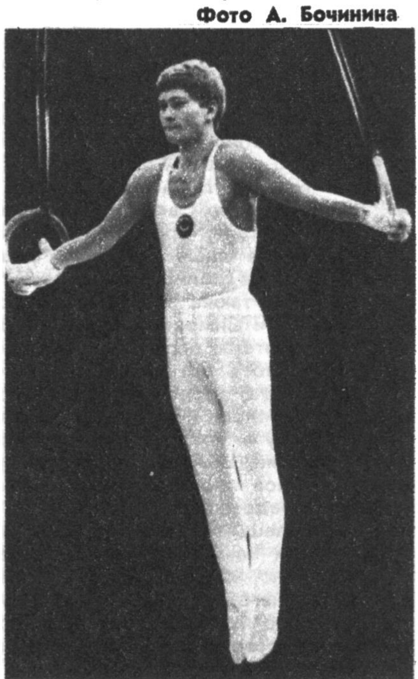
Андрианов тоже приметил симпатичного парня, помогал и ему, и молодому тренеру Федорову, спокойному, уравновешенному человеку, после службы в армии оставшемуся во Владимире. И в 17 лет Королев стал надеждой владимирской спортшколы. Он победил на престижном турнире гимнастов социалистических стран «Дружба», на юниорском первенстве Европы. В 18 лет Юрий впервые дебютировал на взрослом помосте. Это было на популярных соревнованиях на призы газеты «Московские новости». Легко выиграл турнир, но мнения о нем были противоречивые. Одним он понравился, другим — не очень: мол, не всегда элегантен. Может, тогда у него и обнаружилась некоторая небрежность в движениях, но Королев не был похож по манере исполнения на остальных, и это обнадеживало. Он выступал без всякой натуги, стремительно делал тройные сальто, смелые перелеты на перекладине.

Тогда, весной 1981 года, старший тренер молодежной сборной Андрей Радионенко отозвался о Юрии так: «Задачу мы ему поставили вполне определенную — к окончательному переходу на «взрослый» помост подготовить комбинации сложнее, чем у нынешних лидеров основной команды. И это ему удалось». Юрий дебютировал на чемпионате Европы в Риме и добился второго места в многоборье и первенства в вольных упражнениях на кольцах. Он стал любимцем публики. Бесстрашный, бесшабашный, Королев был на помосте мальчишкой-озорником, не умеющим скрывать свои эмоции. Сделает комбинацию, приземлится, а потом подпрыгнет от радости на метр, вскинет вверх руки — ну прямо футболист, забивший решающий гол.

Все удивлялись тому, что может этот малыш, в котором не было статности Александра Дитятина, внутренней мощи Николая Андрианова, элегантности Александра Ткачева и вместе с тем было свое, приметное, яркое.

Фото А. Бочинина

В ноябре 1981 года чемпионат мира проводился в Москве, и путаные лабиринты борьбы привели на верхнюю ступеньку пьедестала почета Юрия Королева. Он боролся азартно, вдохновенно, и все решилось лишь на последнем снаряде — львовянин Богдан Макуц получил за упражнения на коне 9,9, а Юрий — 9,95, и золотая медаль оказалась у него в руках. Тогда он стал самым молодым абсолютным чемпионом в истории гимнастики. (Через два года это звание перешло к 16-летнему Дмитрию Билозерчеву.)

...В мае 1982 года гимнасты из Владимира Николай Андрианов и Юрий Королев были избраны делегатами XIX съезда комсомола от Владимирской области. Николаю было тогда 29 лет, кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ, начал работать старшим тренером молодежной сборной страны, а Юрий, который был ровно на десять лет младше, стал студентом педагогического института. Судьбы их тесно переплелись. Оба выросли в одной спортшколе, в одном коллективе, впитали в себя традиции верности родным местам, городу, тренерам.

Между прочим, Федоров любит вспоминать, как его Юрка однажды решил бросить гимнастику: ему, видите ли, надоело ездить через весь город на троллейбусе. Да и рыбалкой на Клязьме увлекся, считал, что это занятие интереснее гимнастики. Но когда Юрий попал во взрослую сборную, то он не колеблясь дал клятву верности, в которой были такие слова: «...Мастерство гимнаста, его высокий класс неотделимы от высоких нравственных качеств. Я, член сборной СССР, обязуюсь защищать честь Родины, неустанно повышать мастерство, уважать наставника, честно признавать свои ошибки, мужественно преодолевать боль и сомнения, неудачи, активно участвовать в жизни команды...»

...Королев продолжал оставаться лидером мирового помоста. На Кубке мира-82 был третьим в многоборье и первым на брусьях, на чемпионате Европы-83 завоевал второе место в многоборье и первое — в вольных упражнениях и на брусьях. И вдруг на мировом первенстве-83 ему не удалось добиться личных наград: Королева заслонил на помосте Дима Билозерчев. Но когда Билозерчев заболел, только Королев смог заменить его в Монреале и вернулся домой с четырьмя золотыми и одной серебряной наградами.

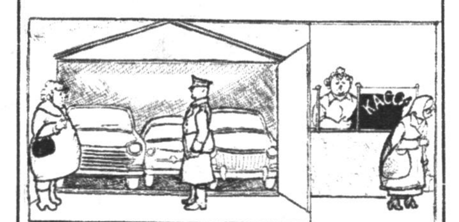
В чем же секрет его успеха? Ведь в команде были ни в чем не уступающие ему гимнасты — такие, как Артемов и Могильный? Я просил Юру ответить на этот вопрос.

Королев: «Все очень просто. Я в своей жизни познал не только радость побед, но и горечь поражений. И мне снова захотелось доказать себе самому, что горечь не заглушила радости. А главный урок для меня после Монреаля такой: как бы ты ни был хорошо подготовлен физически, какие бы новые комбинации ни разучил, но, если ты не подавишь страх перед соперниками и судьями, все может пойти насмарку. Мне удалось побороть волнение и страх, все, что я задумал, удалось выполнить. Это ведь так просто...»

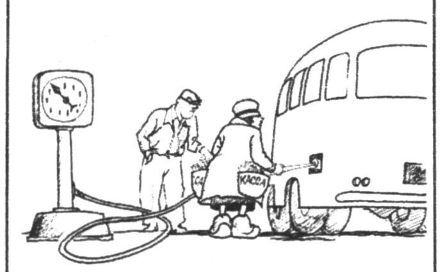
Да, для Королева это просто.

Москва — Монреаль.

Юмор

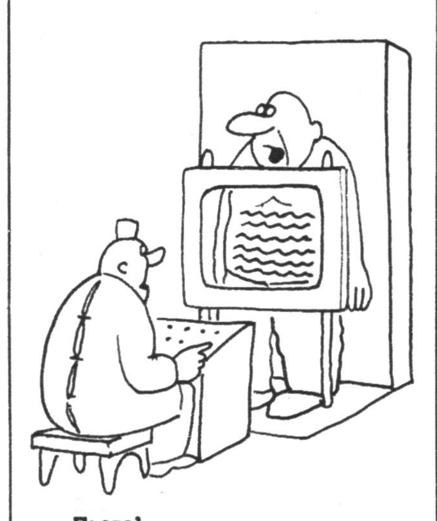

— Как приобрела! Экономила — по копеечке откладывала себе...

— Не жадничай! Платишь за жидкое золото...

Рис. Е. Горохова

— Пьете!
— Это вопрос или предложение!!

Рис. Ю. Беспалова

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Юрий Королев — абсолютный чемпион мира по спортивной гимнастике. (См. в номере материал «Для Королева это просто».)

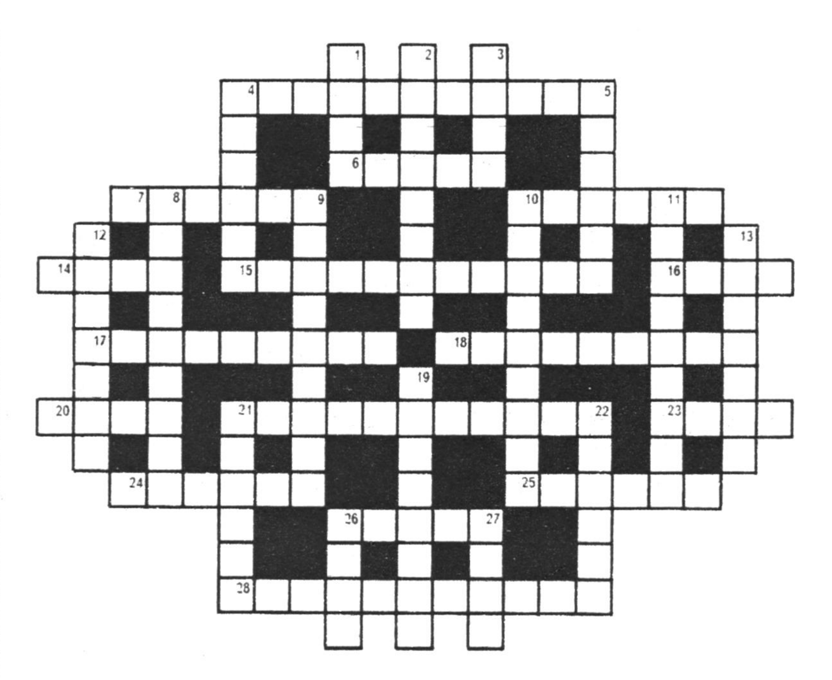
Фото А. БОЧИНИНА

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: В объективе чехословацкого журналиста Мирослава Тулеи — Народная Республика Кампучия. Школа искусств в Пномпене * Советский КамАЗ на стройке * Страна учится * Рисовые поля могут давать три урожая в год * «Расти, сынок!» * Ожили цехи текстильной фабрики.

КРОССВОРД

По горизонтали: 4. Итальянский композитор. 6. Город в Витебской области. 7. Бальный танец. 10. Одноцветное контурное изображение. 14. Автор повести «Бегущая по волнам». 15. Исчисление себестоимости. 16. Дугообразное перекрытие. 17. Певица, народная артистка СССР, Герой Труда. 18. Большой круг небесной сферы. 20. Река в Северной Америке. 21. Специалист, дающий советы по определенным вопросам. 23. Механизм для управления судном, самолетом, автомобилем. 24. Южное фруктовое дерево. 25. Волокнистый огнеупорный минерал. 26. Единица веса. 28. Оптический прибор для наблюдения и подготовки стрельбы.

По вертикали: 1. Положительный электрод. 2. Наибольшее количество, высшая степень. 3. Река в Восточной Сибири. 4. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 5. Действующее лицо трагедии Шекспира «Гамлет». 8. Арифметическое действие. 9. Воинское звание. 10. Старинный итальянский танец. 11. Художественно выполненный знак с указанием владельца книги. 12. Газетно-журнальный жанр. 13. Пресноводная рыба семейства карповых. 19. Специально оборудованное сооружение для хранения зерна. 21. Серия советских искусственных спутников Земли. 22. Город в Танзании. 26. Роман Р. Тагора. 27. Декоративный вечнозеленый кустарник или дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 48

По горизонтали: 6. Колпакова. 7. Контрапункт. 9. Акций. 11. Аягуз. 13. Империал. 15. «Студенты». 16. Вьентьян. 17. Егоровна. 18. Стотинка. 20. Ахматова. 23. Тракт. 25. Кенаф. 26. Артиллерист. 27. Коновалов.

По вертикали: 1. «Скупой». 2. Пластика. 3. Паскаль. 4. Постулат. 5. Калька. 7. Кибернетика. 8. Тяжелоатлет. 10. Компьютер. 12. Установка. 14. Линза. 15. Сфера. 19. Калитина. 21. Хлорелла. 22. Калитва. 24. Треска. 25. Кстово.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 11.11.85. Подписано к печати 27.11.85. А 00427. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 480 000 экз. Изд. № 2967. Заказ № 1662.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

НА МЕСТЕ ЛЕДОВОГО ПОБОИЩА

Я иду по улице XIII века. Могучие дубовые бревна мостовой прочно покоятся в черной земле. Справа и слева потемневшие венцы русских изб, срубы колодцев. Она неширокая, эта улица. Едва ли здесь разъедутся два воза, тем более на повороте...

Улицу эту открыли нынешним летом археологи на территории Старого рынка в древнем Пскове. Удивительно, как хранит земля память: в культурном слое находят и ювелирные украшения, и остатки керамики, и старинную обувь, и даже — вот как здесь — целую улицу. XIII век — начало расцвета Пскова как одного из центральных городов Новгородской феодальной республики, но также время единственного за всю историю Псковской крепости ее захвата иноземцами. Войска магистра Ливонского ордена осадили Псков, но горожанам не впервой было отражать атаки неприятеля, стены детинца — псковского кремля — крепкие, в цитадели вдоволь провианта, имелись оружие и вода. Защитники города тщательно продумали систему обороны. И не праздновать бы врагам победы, если б не псковский боярин Твердило Иванкович. Темной ночью открыл он городские ворота, и глухо застучали по узкой улице Старого рынка копыта закованных в металл лошадей ливонских рыцарей, загрохотали подбитые железом сапоги кнехтов. Неподалеку от Пскова на многие десятки километров тянутся низкие, заросшие тростником берега древнего Чудского озера. Множество легенд о походе Александра Невского помнят до сих пор жители прибрежных деревень Подборовья, Пнево, Самолвы, однако еще относительно недавно место Ледового побоища оставалось неясным. Существовало около десятка различных версий: одни историки называли местом битвы западный берег Чудского озера, другие — восточный, некоторые — разные точки Теплого озера, которое в те далекие времена тоже именовалось Чудским.

Интерес историков к этому сражению определялся прежде всего его огромным значением для России. Ведь трудно представить себе те неисчислимые бедствия, которые неминуемо постигли бы русский народ, если б в тяжелую пору ордынского нашествия немецкие рыцари, объединившиеся с датчанами и шведами, оказались победителями. Уверенные в успехе, они уже заранее поделили между собой Русскую землю. Кто знает, как сложились бы судьбы народа и какие бы новые трудности возникли при объединении Руси...

Неоднозначность определения места сражения, разбросанность предполагаемых точек по огромной территории Чудского озера, произвольность трактовки битвы историками, в большинстве своем предпочитавшими теоретические «кабинетные» исследования, вызвали неожиданную реакцию: германский публицист Пауль фон Рорбах опубликовал труд, в котором утверждал, что место Ледового побоища и не может быть найдено, так как такой битвы и вовсе не было — просто русский летописец в угоду своему князю разукрасил небольшое пограничное столкновение. Автор «труда» закрывал при этом глаза на сведения, содержавшиеся в Ливонской хронике, а ведь хрониста никак нельзя было обвинить в симпатиях к Александру.

Первая Новгородская летопись старшего и младшего изводов давала, казалось бы, точное определение места сражения: «...на Чудьском озере, на узмени, у Воронея Камени...» Было и Чудское озеро, и узмень — узкое место, нынешнее Теплое озеро,— не было только никакого Вороньего Камня...

И вот на Чудском озере развернула работу комплексная экспедиция Академии наук СССР, которую на общественных началах возглавил военный историк генерал-майор Георгий Николаевич Караев. В составе экспедиции — археологи и водолазы, топонимисты и гидрологи, летчики и аквалангисты. Им удалось обнаружить остатки укреплений у острова Вороний, который сейчас представляет собой полузатопленный, заболоченный клочок суши. Оказывается, из-за геологических изменений за семь с лишним веков уровень озера в этом месте значительно повысился, вода затопила часть берега, образовав несколько мелких островов, а свирепые осенние штормы размыли легендарный Вороний Камень, состоявший из девонских песчаников. Старики вспоминали, что еще в начале этого века из воды торчали остатки некогда неприступного холма, который в псковском говоре часто именуют «камень».

Оставалась одна неясность: известно, что Александр Невский был решительным, но осторожным полководцем. В случае поражения, а этот исход битвы с сильным противником следовало принимать во внимание, князь обязан был сохранить войско от полного уничтожения. Отступать семьдесят верст по льду на Псков он не мог — добьют. Стало быть, должен был существовать какой-нибудь путь, соединявший место битвы с глубинными районами, где можно было сохранить войско, или с Новгородом. Поиск этого пути был поручен отряду московских школьников, которые на байдарках прошли по ныне заросшим, обмелевшим рекам северо-западной Руси, обнаружили систему древних волоков, старинных городищ и торговых поселений — словом, то, что указывало на оживленное некогда движение между Новгородом и восточным берегом Чудского озера — местом, где произошло Ледовое побоище.

Псковичи, как и весь наш народ, высоко ценят значение легендарной битвы. На одной из пассажирских линий Псково-Чудского водоема курсирует теплоход «Александр Невский». На берегах озера голубеют покрытые льном — богатством псковского края — поля колхоза имени Александра Невского.

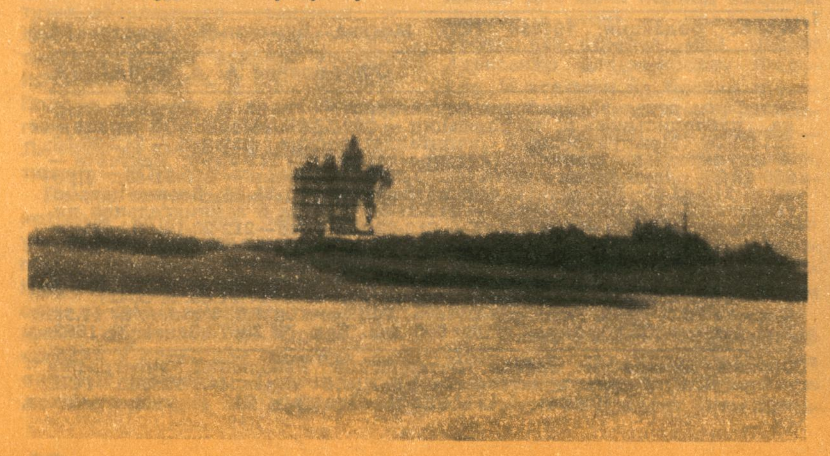
Есть в предместьях Пскова на землях совхоза с символическим названием «Победа» гора Соколиха. С нее город виден как на ладони. Здесь, рядом с дорогой, по которой Александр вел свои войска на помощь Пскову, а позже возвращался после Ледового побоища, выбрано место установки памятника героям битвы (авторы: скульптор И. И. Козловский, архитектор П. С. Бутенко). Сейчас, когда оно твердо определено, работы по установке монумента следует начинать не откладывая, ведь недалек тот день, когда наша страна будет отмечать 750-летие битвы.

...Я иду по псковской улице XIII века. Почти три четверти тысячелетия назад апрельский ветер развевал над ней стяги дружины Александра Невского, возвращавшейся из боевого похода. И я представил чеканные стяги монумента, которые скоро взовьются над старинным русским городом в честь юбилея великого сражения.

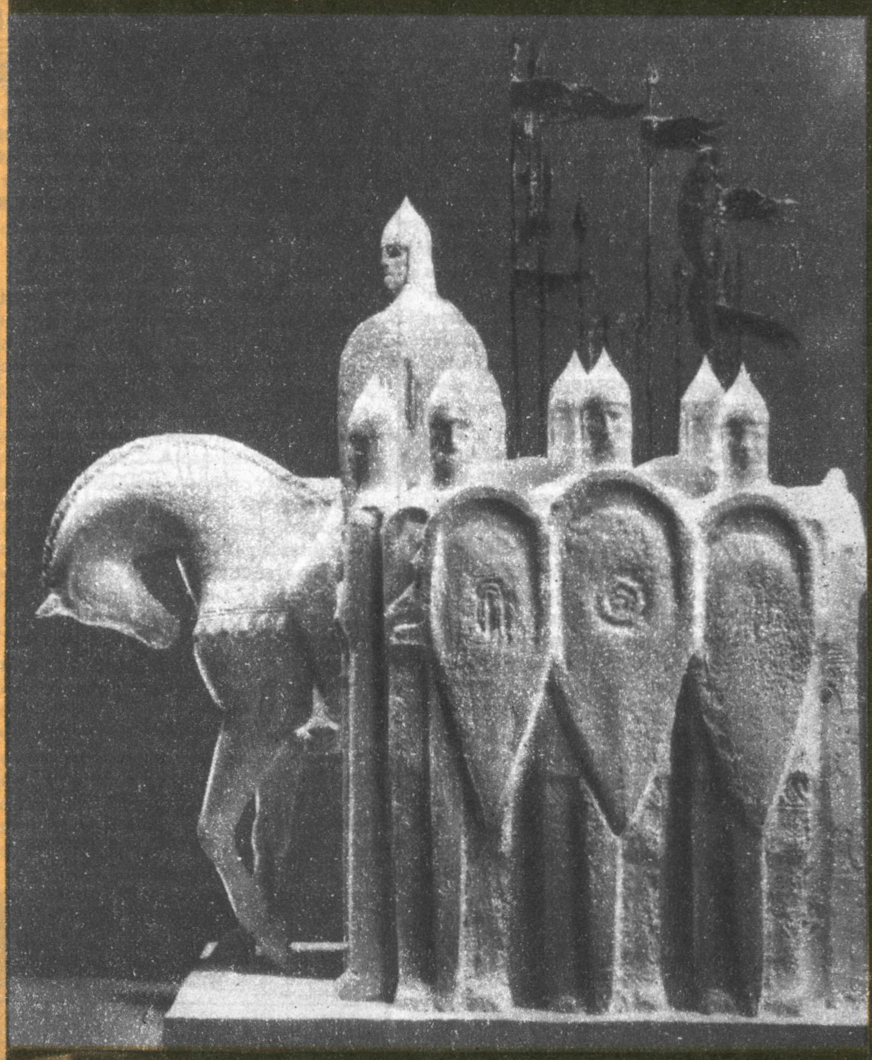
В. ПОТРЕСОВ

Фото автора

Почти три четверти тысячелетия назад стояли насмерть русские войска на Чудском озере у Вороньего Камня.

Монумент в честь победы на Чудском озере сохраняет элементы белокаменных псковских строений. Рабочая модель памятника.

Неприступные стены псковского детинца помнят ратников Александра Невского.

Водолазы готовятся к проведению подводных археологических исследований.

Неброская природа северо-запада отражается в белокаменной псковской архитектуре.

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

